

ПСИХОЛОГИЯ В ПЕРВОЙ СТОЛИЦЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. Ясницкий

Настоящая работа посвящена одному из "белых пятен в историографии психологии" [79] и "существенному пробелу в ... представлениях о советских психологических исследованиях" [103] – истории психологии в 1930е гг. в Харькове, столице Советской Украины в 1919-1934 гг. Исследования харьковской группы учеников и последователей Выготского составляют чрезвычайно важную веху в развитии отечественной и мировой психологии [125; 212], и нельзя не согласиться с Е.Е. Соколовой в том, что “представляется необходимым реконструировать этот этап психологической науки во всей его полноте и целостности”. Таким образом, эта статья подводит итоги серии исследований по истории психологии в Харькове [87,88,133,134], который был в 1920-30-е годы крупным и быстро развивающимся городом, что не в последнюю очередь определялось его статусом столицы Советской Украины с декабря 1919 по июнь 1934 и подкреплялось столичным бюджетом. Однако, 21 января 1934 года XII съезд КП(б) Украины принял решение о переносе столицы, а 24 июня 1934 г. правительство Украины переехало из Харькова в Киев, что окончательно закрепило за Харьковом ностальгический статус "первой столицы" и, фактически, положение вечно второго города Украины в советскую эпоху. Особое внимание в этой работе уделяется, в частности, истории психологии в Харьковском государственном педагогическом институте (ХГПИ)⁵².

Кроме того, автор ставит своей целью дополнить существующие исследования истории отечественной психологии, проводимые преимущественно в традиционном русле либо биографической истории, либо истории идей. Очень характерной в этом отношении представляется ремарка из недавней публикации в этом журнале: “Мы опускаем весьма драматическую и все еще до конца не проясненную *личностную сторону* развития культурно-деятельностной психологии, анализ которой можно найти в ряде источников..., остановимся лишь на *предметно-логическом аспекте* ее развития” [77]. Очевидно при этом, что и фактографическая история (например, [88]), которая преодолевает некоторые недостатки этих двух направлений исторических исследований, все же бессильна перед проблемой объяснения каузальности и интерпретации событий в истории

⁵² См. список важнейших аббревиатур в конце статьи.

науки. Альтернатива этим трем заслуженным традициям исторического исследования видится в изучении социальной истории науки и, особенно, научной практики (scientific practices, "doing science"). Наука при этом понимается как "совместная духовно-практическая деятельность, обязательно преобразующая мир, исходящая из определенных сверхзадач и работающая на цели, выходящие за узконаучные рамки"[81; 32]. При таком понимании "практика и теория действительно выступают как неразрывные формы одного и того же целостного действия по преобразованию и созиданию мира – именно в силу их неизбежной созидательной направленности на мир" (там же). Традиция исследований научной практики (activities, practices) в широком социокультурном контексте имеет уже достаточно долгую историю [102,109,111,112]. Основной упор в подавляющем большинстве этих работ делался на исследовании экспериментальной практики производства научного знания и артефактов. Однако до сравнительно недавнего времени в сферу интересов историков науки не попадала "социальная практика" создания официальных организаций и неформальных научных объединений, привлечения власть имущих спонсоров и покровителей науки, карьерного продвижения и назначения на руководящие должности в научной иерархии, научных ритуалов, научных контактов и стратегий публикации научных исследований, традиций научного дискурса, и т.п. [111]. Игнорирование "социальной практики" науки того времени затрудняет адекватное понимание целого ряда вопросов истории отечественной психологии, некоторые из которых (например, механизмы порождения научного текста и вопросы авторства) получают предварительное освещение в этом кратком обзоре.

Можно сказать, что к настоящему времени уже сложилась "каноническая" трактовка истории Харьковской школы. Эта "каноническая" версия истории харьковской школы была озвучена самим А.Н. Леонтьевым в середине 1970х гг. в ряде выступлений и интервью [57], [60]. Дополнительным важным источником по истории психологии в Харькове в 1931-1941 гг. являются сравнительно недавно опубликованные архивные материалы А.Н. Леонтьева [55], [54]. Многие из этих ценных исторических материалов были впервые представлены ещё до их публикации в программной статье А.А. Леонтьева в юбилейном сборнике памяти А.Н. Леонтьева 1983 года [50], а впоследствии "каноническая версия" была развита и оформлена в более поздних работах, посвященных разбору вклада А.Н. Леонтьева и истории харьковской школы (см., напр., [51], [78], [94]). Интересную попытку представить нетрадиционную историю психологии в Харькове в 1930е гг. предпринял Н.С. Курек с опорой на редкие архивные материалы того времени [45; 252-261]. При этом нельзя не заметить, что в изложении принципиально важных явлений и событий

Курек вольно или невольно следует канонической версии в изложении А.А. Леонтьева и др.

Так, следуя А.Н. и А.А. Леонтьеву, принято считать, что в конце 1931 г. группа московских психологов переехала в Харьков, чтобы принять участие в учреждении и организации научной работы в Психологическом секторе Украинской Психоневрологической Академии (УПНА), где “пост заведующего сектором был предложен А. Р. Лурии, пост заведующего отделом детской и генетической психологии – А.Н. Леонтьеву. Однако А. Р. Лурия вскоре вернулся в Москву, и практически всю работу вел Алексей Николаевич. Планировался переезд в Харьков Л.И. Божович, А. В. Запорожца, а также Л. С. Выготского, но его переезд не состоялся, хотя он часто приезжал в Харьков. В Харькове основную группу составили, таким образом, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, Л. И. Божович, и харьковский психолог П.Я. Гальперин” [50; 12]. Затем, “Леонтьев остался в Харькове почти на 5 лет. Он не только возглавлял отдел и был действительным членом Украинской психоневрологической академии, но – после окончательного переезда Лурии – принял у него руководство всем сектором психологии (ещё раньше, в 1932 г., он был заместителем заведующего сектором)” [51; 42]. А.Н. Леонтьев говорил: “Харьковчане группировались вокруг меня, а не А.Р. [Лурия], так как Божович и Запорожец предпочитали работать со мной, и Гальперин (местный) тоже тянулся ко мне. Лебединский же занимался пропагандой психогигиены, психотерапией. А.Р. в Харькове не прижился” [60; 375].

Несколько вопросов в этой связи тем не менее остаются неясными. Во-первых, какова была структура и организация сектора, и как соотносились такие структурные единицы как "сектор" и "отдел"? Во-вторых, какова была программа конкретных эмпирических исследований этого сектора? В-третьих, мы практически ничего не знаем о дальнейшей судьбе одного их трёх участников основной группы исследователей, приглашенных из Москвы [94], М.С. Лебединском: какова была его роль в УПНА и, предположительно, в харьковской школе? В-четвертых, как соотносились исследования, проводившиеся Выготским и его учениками и последователями в разных организациях Харькова? В настоящей работе предпринята попытка прояснить эти вопросы истории отечественной психологии.

Рождение традиции: на пути к созданию Института психологии в Харькове

Сравнительно немного известно об истории Психологического Сектора УПНА в период с 1931 до 1941 гг. Довоенный архив Украинской Психоневрологической Академии был уничтожен во время войны, что

значительно усложняет задачу реконструкции истории Психоневрологической Академии этого периода. Эта работа основана на анализе мемуарной и биографической литературы, публикаций того периода и некоторых обзорных работ более позднего времени и сохранившихся архивов. Автором были обнаружены ценные архивные материалы и редкие публикации того времени, которые позволяют в первом приближении уточнить и дополнить классическую версию истории харьковской школы психологии [133], [134].

Замысел создания новой организации зародился, по всей видимости, в конце 1930 [105; 10-11] – начале 1931 г. [8], [83]. Проект структуры и задач новой организации был опубликован на правах дискуссии в середине 1931 г. на страницах издававшегося в Харькове журнала "Советская психоневрология" [8], но лишь весной 1932 г. народный комиссариат здравоохранения Украины издаёт постановление о необходимости организации Всеукраинской психоневрологической академии [35; 5-6]. На протяжении последовавшего года продолжалась работа по организации Украинской Психоневрологической Академии на базе таких существовавших тогда в Украине организаций как а) Украинский психоневрологический институт, б) Украинский институт клинической психиатрии и социальной психогигиены им. Свердлова, в) Институт психоневрологических кадров, организованный Наркомздравом УССР осенью 1931 г. [83; 8], а также г) Киевского и д) Одесского психоневрологического институтов [8]. Наряду с несколькими областными и отраслевыми институтами и филиалами, в состав Академии входили пять центральных институтов и сектор психологии [9; 8-10], [35; 7-8].

В Харькове, в городе с давними традициями исследований в области психиатрии, рефлексологии (В.В. Протопопов), гипноза и психотерапии (К.И. Платонов, И.З. Вельвовский), педологии (А.С. Залужный, П.Ю. Волобуев), психофизиологии труда и психотехники (Ф.Р. Дунаевский, М.Ю. Сыркин, А.И. Розенблюм) [94], на момент основания УПНА в 1930-31 гг. фактически не оказалось местных специалистов по психологии. Л.Л. Рохлин, открывая "дискуссию о положении на психологическом фронте" по докладу А. Таланкина, проходившую 12-13 июня 1931 г. в Харькове, подчеркивал острую нехватку психологических кадров на Украине и актуальность создания украинской психологической школы: "Психология на Украине, не имея прочных корней в прошлом, в наших советских условиях также не получила успешного развития. Украина принадлежит к одному из отсталых участков психологической науки в Союзе... И в то время как в РСФСР психология уже прочно завоевала своё место в вуз'ах, мы и по сию пору имеем в наших украинских вуз'ах кафедры рефлексологии, высшей нервной деятельности, но не психологии. Психология на Украине

сейчас не располагает почти совершенно никакими кадрами, за исключением тех её областей, которые особенно близки социалистической практике, психотехнике и педагогической психологии... Как видите, психологические темы весьма актуальны и на Украине. Мы должны развернуть у нас психологию, мы должны добиться перелома в столь важной и актуальной области научной работы" [70; 7-8; см. тж. с. 38-9]. Этим объясняется то, что группа учёных была приглашена из Москвы, чтобы возглавить Психологический Сектор УПНА. В 1930 г. Л.С. Выготскому, А.Р. Лурии, М.С. Лебединскому, А.Н. Леонтьеву и, предположительно, А.В. Запорожцу и Л.И. Божович пришло приглашение из Харькова от наркома (министра) здравоохранения Украины С.И. Канторовича [51; 40], [60; 375].

Выготский принимал участие в организации Психологического Сектора в УПНА. Более того, осенью 1931 г. Выготский был утвержден на должность заведующего кафедрой генетической психологии Государственного института подготовки кадров Наркомздрава Украины [13; 129]. По той или иной причине из всей группы лишь Выготский так и не переехал в Харьков и остался в Москве (точнее сказать, получил приглашение из Ленинградского педагогического института от С.Л. Рубинштейна занять место М.Я. Басова, трагически и нелепо погибшего незадолго до этого, и стал с осени 1931 г. периодически ездить в Ленинград [126; 308]), в то время как Лурия, Лебединский и Леонтьев вместе с двумя своими молодыми коллегами Запорожцем и Божович переехали в Харьков, положив тем самым начало систематическим и масштабным психологическим исследованиям в этом городе. По всей видимости, фактическое основание Психологического Сектора УПНА следует связывать с зачислением на работу и переездом в Харьков осенью 1931 г. москвичей Леонтьева, Лурии и Лебединского в октябре-декабре 1931 г. [51; 41], [66; 70], (см. тж. [65], [64]). Из письма Лурии Кёлеру от 6 марта 1932 г. мы знаем, что сектор психологии, который, как предполагалось, в течение нескольких лет должен был развиваться в самостоятельный исследовательский институт, имел на своём балансе шестнадцать комнат, располагал штатом из пятнадцати сотрудников при совершенно фантастическом по тем временам бюджете сектора в 100 000 рублей в год [126; 290-291].

Осенью 1932 г. все трое – Лурия, Леонтьев и Лебединский – как сотрудники кафедры психологии психоневрологического института Народного комиссариата охраны здоровья (НКОЗ) – фигурируют в министерских списках научных работников научно-исследовательских учреждений Украины, поставленных на государственное академическое снабжение по второй категории с окладом в 1000 рублей [110]. Известно, что на

протяжении нескольких лет Лурия и Леонтьев 20 дней каждого месяца жили в Харькове, а оставшееся время проводили в Москве. Во время одной из таких поездок в Москву в 1933 г. Лурия случайно встретился после трехлетнего перерыва с Ланой Пименовной Липчиной, которая вскоре после этого стала его женой. Это событие несомненно послужило одной из основных причин, почему Лурия решил уехать из Харькова в Москву [66; 78-88]. В 1934 г. оба и Лурия (в марте [66; 73]) и Леонтьев (в октябре, [51; 63]) возвращаются в Москву, хотя и не утрачивают связи с харьковской группой и бывают в Харькове наездами. Так, например, вполне характерно, что в своей автобиографии Леонтьев обозначал период своей жизни на Украине как 1931-36 гг. [53].

По всей видимости, не в последнюю очередь благодаря своей мобильности харьковчане часто встречались с Выготским как в Харькове, куда тот периодически приезжал по научным и учебным делам, — как известно, с осени 1931 года Выготский начинает свою учёбу на медицинском факультете Харьковского психоневрологического института [13; 126], точнее сказать, в Институте психоневрологических кадров, вошедшего впоследствии в состав Украинской психоневрологической академии; там же в это время учился и Лурия, как это следует из его переписки с женой [66; 70, 78-88], — так и в Москве для обсуждения научных вопросов во время так называемых "внутренних конференций". Так, к примеру, мы знаем о целом ряде таких встреч с Выготским в 1932-33 гг., состоявшихся предположительно в октябре [30] и декабре 1932 г. [15], [30], а также в октябре [54] и декабре 1933 г. [14]. Думается, совсем не случайно последней прижизненной публикацией Выготского оказалась его статья "Психология и учение о локализации", опубликованная в сборнике тезисов докладов Первого Всеукраинского съезда невропатологов и психиатров, проходившего в Харькове 18-24 июня 1934 г. [16]. Как известно, в последние месяцы своей жизни Выготский интенсивно работал над организацией отдела психологии во Всесоюзном институте экспериментальной медицины (ВИЭМ) в Москве [13; 129, 318-319], и вполне вероятно, что Психологический сектор УПНА служил для Выготского моделью при создании нового отдела в ВИЭМе. Именно эту ситуацию описывал А.Р. Лурия в своей речи на траурном заседании в московском Доме ученых в память Выготского 6 января 1935 г.: "Эта смерть была тем трагичнее, что Лев Семенович умер среди всеобщего признания и любви, накануне того, как перед ним впервые раскрылась возможность воплотить все свои пла-

ны в действительность и создать организованный коллектив исследователей, о котором он мечтал всю жизнь, и который мог бы взять на себя осуществление всего того, что таилось в этом гениальном мозге” [64; 275].

Научные организации

Деятельность психологов «круга Выготского» [130,131] проходила в столичном Харькове при поддержке и под эгидой целого ряда медицинских, научных и образовательных организаций. Основных таких организаций было три:

1. Украинская Психоневрологическая Академия (УПНА), сектор психологии

Ничего не известно о структуре сектора психологии УПНА в 1932-33 г., а самые ранние обнаруженные описания его административного устройства относятся к 1934 г. Как известно, в июне 1934 г. в Харькове проходил Первый Всеукраинский съезд невропатологов и психиатров, к открытию которого в УПНА впервые вышел сборник материалов о научной деятельности Украинской Психоневрологической Академии. Не в последнюю очередь именно этому сборнику мы обязаны важной информацией о структуре и основных направлениях исследований в секторе психологии УПНА.

В 1934 г. вышли две статьи под одинаковым названием "Всеукраинская психоневрологическая академия", опубликованные под именем президента академии Е.С. Затонской (в сборнике УПНА, 1934) [35] и ученого секретаря академии Д.Г. Шмелькина (в журнале "Советская психоневрология") [83]. Оба автора указывают, что к 1934 г. Сектор психологии, включал в себя отделы: а) общей и генетической психологии, "изучающий высшие формы психологической деятельности и их развитие в онтогенезе" (руководитель отдела проф. Леонтьев) и б) отдел клинической психологии, "изучающий общие законы нарушения психической деятельности при патологических состояниях, а также разрабатывающий методики психологического исследования в клинике" (руководитель отдела проф. Лебединский). В противовес утверждению, что Леонтьев "после окончательного переезда Лурии – принял у него руководство всем сектором психологии" [51; 42], оба автора упоминают в качестве директора сектора проф. Л.Л. Рохлина [35; 8], [83; 12], одного из инициаторов создания как всей УПНА, так и психологического сектора в её составе [25; 19], [73]. Подтверждение этому мы находим в письме Лурия А.Р. от 14.II.34 жене из Харькова в Москву: "Вчера вечером говорил с Рохлиным – он назначен директором сектора" [цит. по 66; 87-88].

Гораздо более детальное описание сектора психологии даёт П.Я. Гальперин в своём очерке "Психологический сектор", опубликованном в том же сборнике УПНА за 1934 г. [22]. Гальперин представляет два основных отдела в составе сектора психологии (директор – проф. Л.Л. Рохлин), экспериментальные отделы "общей экспериментальной и генетической психологии (зав. проф. А.Н. Леонтьев) и отдел клинической психологии (зав. проф. М.С. Лебединский)" [22; 33], и один вспомогательный "отдел общей теории психологии (зав. П.Я. Гальперин)" [22; 35]. В свою очередь оба экспериментальных отдела включают в себя особые административные единицы нижнего уровня: "отдел общей экспериментальной и генетической психологии распадается на ряд лабораторий: 1) лаборатория зоопсихологии; 2) лаборатория детской психологии; 3) лаборатория общей экспериментальной психологии (объект последней ясен из её места в этом генетическом ряду). Эти три лаборатории в основном охватывают гамму задач своего отдела, изучая развитие психологических функций на трех решающих участках, приблизительно соответствующих основным ступеням психологического развития: животное, ребёнок в его своеобразии, и общие закономерности в развитии психологических функций и функциональных психологических систем" [22; 33]. В то же время, "в отделе клинической психологии выделены: 1) группа по изучению клинкопсихологических синдромов и 2) клинко-диагностический кабинет" [22; 33-34]. И наконец, "помимо этих экспериментальных отделов в Секторе выделен Отдел общей теории психологии (зав. П.Я. Гальперин). Его задача – разработка основных теоретических проблем психологии и, прежде всего, разработка наследства Маркса-Энгельса-Ленина в психологии; затем, разработка основ теории исторического развития человеческой психики и, наконец, критика буржуазных психологических теорий и борьба с фашизмом и социал-фашизмом в психологии. В настоящее время эти задачи реализуются в проблеме определения предмета психологии, и, ещё уже и точнее, в вопросе о соотношении предмета психологии и физиологии. В работе этого отдела принимают активное и организационно-оформленное участие сотрудники других отделов Сектора" [22; 35].

Говоря о теоретической ориентации исследований сектора психологии, Гальперин подчеркивает, что "общетеоретической посылкой исследовательской работы Сектора служит положение, что решающим в психологическом развитии является образование высших, сложившихся на протяжении истории общества, интеллектуальных форм психологической деятельности человека... Изучение развития мышления, речи и практической деятельности в их взаимосвязи и отношении к другим психологическим функциям на разных генетических ступенях образуют первую задачу Сектора, выполняемую отделом общей и генетической психологии.

Вторым этапом, ее обратной стороной, является их изучение в распаде, наступающем вследствие функционального или органического страдания их материального носителя, головного мозга; эта задача осуществляется отделом клинической психологии" [22; 34].

2. Украинский научно-исследовательский институт педагогики (Український науково-дослідний інститут педагогіки, УНДІП), секция психологии.

Институт педагогики был основан в столице Украины Харькове в 1926 г. и до реорганизации института в 1930 г. психологические исследования в нем не проводились [101]. В результате реорганизации в начале 1930-1931 учебного года была создана секция психологии в составе кафедры изучения объекта педагогического процесса, но фактически работа секции началась лишь после переезда "москвичей": осенью 1932 г. должность руководителя секции психологии была вакантна, в то время как Леонтьев занимал должность руководителя исследовательского семинара по психологии [124]. На начало 1932-1933 учебного года план исследовательской работы секции ещё не был подан: "так как секция на период составления плана находится в стадии организационного оформления, а работает лишь Научно-Исследовательский семинар по психологии для наличного состава секции под руководством проф. Леонтьева, план научной работы секции будет обработан на протяжении ноября-декабря [1932 г.]" [124]. Впрочем, харьковской группе не суждено было основательно развернуть фронт исследований в этой организации: уже летом 1934 г. столица Украины была переведена в Киев и вскоре за этим, в том же году Институт педагогики переехал в новую столицу. С 1934 по 1936 гг. в Харькове существовал институт педагогики под названием Харьковский институт педагогики, однако "положение Харьковского института педагогики все время ухудшалось. Основные его научные кадры постепенно перешли в пединститут и университет, а часть исследователей - в другие методические службы Харькова. Так незаметно и тихо Харьковский институт педагогики прекратил своё существование" [100; 70]

3. Харьковский государственный педагогический институт (ХГПИ), кафедра психологии.

Кафедра психологии в Харьковском педагогическом институте была образована 1 октября 1933 г. и с первого дня её существования её официальным руководителем был назначен Леонтьев. Той же осенью 1933 г. сотрудниками кафедры стали В.И. Аснин, А.В. Запорожец и Г.Д. Луков [89]. Изучение архивных материалов Харьковского педагогического университета показало, что в период с 1933 по 1937 в разное время в институте также работали такие психологи как К.Е. Хоменко, П.И. Зинченко, П.Я. Гальперин, А.И. Розенблюм, В.В. Мистюк, Л.И. Котлярова и И.Г.

Диманштейн, но, судя по архивным документам, по всей вероятности психологические исследования на базе педагогического института в период с 1933 по 1936 г. не проводились.

Исследовательская программа

Пожалуй, одним из самых ранних исследований периода 1932-34 гг., проведённых по крайней мере формально в рамках Сектора психологии УПНА, была вторая среднеазиатская экспедиция Лурия. В то время как публикация этих исследований на русском языке по целому ряду причин не могла состояться до 1970-х гг., обзоры результатов этих экспедиций были опубликованы на английском и немецком языке ещё в первой половине 1930-х гг. Примечательно, что в публикациях, посвященных второй экспедиции, сектор психологии УПНА специально упомянут как организация, на базе которой было организовано и проводилось это исследование [114,115,116,117,118]. Курьёзное описание одного из ранних исследований, проведённых в секторе психологии УПНА в Харькове, мы находим в воспоминаниях об А.В. Запорожце его жены и сотрудницы Т.О. Гиневской: "И вот тогда (об этом никто не знает теперь, в век кибернетики и прочих достижений технического и научного прогресса) группа психологов (Запорожец, Гальперин, профессор Лебединский и я – лаборант) начала исследовать психологию деятельности человека во взаимосвязи с машиной, в данном случае, с автомобилем. Мы изучали долго устройство и работу автомобиля, но я так и не помню, чем все это кончилось, кроме усвоения теоретических знаний по этому поводу" [25; 19].

В то же время Лурия вместе с группой клинического отдела психологического сектора (включавшего в себя в это время таких специалистов как Гальперин, Лебединский, Е.Н. Козис, Е.И. Артюх) проводил исследования речевых расстройств, деградации и патологии развития. Уже 27 ноября 1932 г. на научной конференции института клинической психоневрологии УПНА Лурия делает доклад "К вопросу о психологическом исследовании распада речевых функций" [63] в котором утверждает, что "анализ расхождения нарушений фазической и семической речи, как и в генезисе, так и в распаде, представляет одну из серьезнейших задач современных психологических исследований", а также "останавливается на двух основных путях исследования семических речевых нарушений, связанных с анализом значения слова (анализ определения слов, обобщение слов, переносное значение и проч., анализ соотношения, анализ понимания, семический асинтаксизм) и приводит экспериментальное исследование одного факта случайной афазии, как иллюстрацию значения семического распада при довольно полном сохранении фазической речи" [63;

161]. "Я кончаю расправляться с моими афазиками, стараюсь убедить почтенных старичков, что брат отца – совсем другое, чем отец брата, что "черный" это вовсе не "менее темный"... и т.д. Сейчас наплыв дико интересного материала: агнозии и аграфии, послеродовые психозы с афазиями, и бог ты мой, что ещё, - мы захлёбываемся в редчайшем материале," - писал Лурия в письме своей будущей жене Л.П. Липчиной из Харькова 26 июня 1933 г. [66; 80].

У нас есть основания полагать, что Выготский был хорошо осведомлен об этих исследованиях, проводившихся в отделе клинической психологии УПНА, принимал их с большим энтузиазмом и, вполне вероятно участвовал в их организации, проведении и обсуждении результатов. Так, к примеру, в четвертом номере журнала «Вопросы психологии» за 2012 год вышли ценнейшие архивные материалы, обнаруженные в архиве А.Р. Лурии, в частности, первое документальное подтверждение участия Выготского в работе харьковских психологов: конспект доклада, озаглавленный «Л.С. Выготский. О плане работ по генетической и клинической психологии. --- Харьков, 1932 г.». Также, в своем письме от 29 марта 1933 г. Выготский пишет Лурии в Харьков (первые два слова подчеркнуты): "Очень радуюсь твоим опытам с АВрчом [А.В Запорожцем] — это прочное, это научное, это не обманет" [18; 37]. Можно предположить, что Выготский ссылается на исследование осмысленности и динамики действий у больных шизофренией, проведенное Запорожцем по методике ученицы Курта Левина Анитры Карстен [107], [41] (см. тж. [33], [46], [113]). Из письма Лурии Липчиной от 13 июля 1933 г. следует, что готовился к печати сборник работ сектора психологии [66; 83], также мы знаем о планах совместной публикации серии исследований отдела клинической психологии в Харькове и клинических исследований, проведенных под руководством Выготского в Москве в 1931-34 гг. Так, в своём письме Лурии от 21 ноября 1933 г. Выготский пишет: "Наконец, о серии. Если реально и периодически (обязательно из номера в номер) будут ее печатать, — необходимо взять ее со всей ответственностью. У меня есть 1) классификация афазий; 2) Биренбаум и Выготский, афазия и деменция; 3) Биренбаум и Зейгарник, агнозия; 4) Выготский — письменная речь при мозговых поражениях; 5) Выготский — грамматические расстройства etc. etc. ohne zahl [нем., досл. - "без числа"], как говорит наша больная в ответ на вопрос, сколько у нее пальцев на руках. К середине декабря дам первую статью и подготовим три-четыре в запас. Название общее, как у Gestalttheorie, Lewin'a etc., обязательно для всех работ" [18; 39].

В этом письме Выготский ссылается на исследования школы Курта Левина, опубликованные в 1926-1934 гг. в издававшемся в Берлине группой гештальт-психологов под руководством Вертхаймера, Коффки, Кёле-

ра, Гольдштейна и др. журнале *Psychologische Forschung* (в наши дни журнал выходит под названием *Psychological Research*). Серия из 19 публикаций как самого Левина, так и таких его учеников, как Зейгарник, Овсянкина, Шварц, Карстен, Фройнд, Биренбаум, Хоппе, Дембо, Войгт, Фаянс, Браун, Лисснер и Шлиосберг вышла под единым названием *Untersuchungen zur Handlungs- und Affektpsychologie* (Исследования по психологии действия и аффекта). Работа целого ряда харьковских психологов была особенно близка к исследованиям круга Курта Левина [85], более того, в 1936 году в Харькове планировалось даже проведение «топологической конференции», на которой советские исследователи представили бы свои «топологические» работы, сделанные по следам и в духе исследований Левина. Тем не менее, по той или иной причине этой конференции не суждено было состояться ни в 1936, ни в последующие годы [86].

Также не суждено было состояться и публикации сборника патпсихологических работ Выготского, Лурии и их сотрудников. Тем не менее, Харьковские исследования этого периода отражены в серии журнальных публикаций исследований афазии и парафазии комплексного типа [24], [43], [48], [47], в то время как некоторые клинические исследования, проведенные в Москве в этот период, были опубликованы учениками и сотрудниками Выготского за небольшим исключением [5], [36] преимущественно уже после его смерти [6], [37], [76], [75], [40].

Об исследованиях этого периода, проведенных в отделе общей и генетической психологии (Леонтьев, Запорожец, Божович, Гальперин, В.И. Аснин, П.И. Зинченко, Т.О. Гиневская, Г.Д. Луков и др.), мы узнаем из записок Леонтьева октября 1933 г., впервые опубликованных в 1994 г. под названием "Беседа с Выготским" [54]. Под рубрикой "от сделанной работы в отделе" Леонтьев представляет пять тем исследований: 1) "Перенос", 2) "Рождение слова" и 3) "Речь и практический интеллект", 4) "Развитие рассуждения" и 5) "Овладение понятием" [54; 236-237]. Очевидно, Леонтьев опирается на эти же исследования в своих заметках, известных как "Материалы о сознании" когда описывает первый цикл исследований харьковской группы (1932-33 гг.) [55; 370-371]. Работа лаборатории зоопсихологии отдела генетической психологии была представлена Леонтьевым в его докторской диссертации "Развитие психики" 1940 года, а затем и в книге "Очерки развития психики", опубликованной в 1947 г. Обе эти работы были впоследствии частично опубликованы в знаменитой книге Леонтьева "Проблемы развития психики". Таким образом, мы знаем об исследованиях по изучению изменчивости поведения дафний, проведенных в 1933-1934 гг. (Леонтьев, Ф.В. Бассин и Н.Н. Соломаха) [56; 34-35], [58; 234-236].

К исследованиям отдела генетической психологии УПНА примыкают работы психологов Института педагогики. Сохранился опубликованный отчет за 1934 г. об этих психологических исследованиях: "Интересную экспериментальную работу провела психологическая группа во главе с проф. Леонтьевым. Работая над проблемой "Обучение и развитие", эта группа в этом году проработала такие темы: "Наивный опыт ребенка и усвоение школьных знаний" (Божович), "Речь ребенка и речь учителя" (Свердликоский), "Значение словесных научных формулировок, изучаемых детьми в школе, в усвоении знаний" (Аснин), "Психологический анализ забывания" (Зинченко), "Лабораторные опыты в школе и их значение в усвоении знаний" (Мистюк), "Психология процесса преодоления неадекватного понимания ребенком школьного материала" (Хоменко), "Связь теоретических знаний с практикой ребенка как проблема построения интереса" (Запороженко [sic]). Группа до 1/X должна сдать в печать сборник [работ]" [95; 63].

Этому сборнику научных работ Украинского научно-исследовательского института педагогики (УНДП) не суждено было состояться. Точнее сказать, сборник не вышел ни в 1934, ни в 1935 и планировался к публикации лишь в 1936 г., но после постановления "о педологических извращениях" публикация не состоялась, а готовый набор книги был рассыпан. Единственная опубликованная на сегодня работа из этого сборника - статья Леонтьева, написанная в 1935 г., "Овладение научными понятиями как проблема педагогической психологии". Кроме того, как мы знаем из комментария Запорожца и А.А. Леонтьева к двухтомному собранию сочинений А.Н. Леонтьева, "в сборник кроме данной работы входили также статьи: Л.И. Божович «Жизненный опыт ребенка и школьные знания»; В.И. Аснин «Исследование обозначения методом переноса»; П. И. Зинченко «Судьба научных понятий, усвоенных учащимися в школе»; К. Е. Хоменко «Сравнительное исследование «экспериментальных понятий» и понятий, усвоенных ребенком в школе»; В.В. Мистюк «Роль наглядных моментов в процессе овладения научными понятиями»; В.И. Аснин, А.В. Запорожец «Семический анализ языковых значений, усвоенных в школе». Все статьи были написаны на украинском языке с резюме на русском и на английском. Сборник не был опубликован" [34; 389-390]. По счастливому стечению обстоятельств корректура этого сборника сохранилась в личном архиве А.Н. Леонтьева [51; 70].

Итог всем этим исследованиям подводит Гальперин, который связывает исследовательские темы, разрабатывавшиеся сотрудниками сектора с основными структурными его единицами. "Общую проблему сектора Отдел экспериментальной и генетической психологии на сегодняшнем этапе своей работы конкретизирует как проблему исследования внутренних

отношений, связывающих отдельные высшие интеллектуальные функции как деятельности сознания. В лаборатории общей экспериментальной психологии эта проблема выражается в двух темах: "Изменение внутреннего значения речи в процессе её развития" и "Образование двигательных навыков в условиях высшей психологической деятельности". В лаборатории детской психологии кристаллизуются темы: "Развитие мышления и интраспективных процессов в детском возрасте", "Исследование межфункциональных связей как метод построения психологической характеристики ребёнка" и (прикладная тема по специальному заказу) "Психология восприятия (осмысления) ребёнком дошкольником изобразительных элементов книги". Лаборатория зоопсихологии, недавно оформившаяся в особую структурную единицу, выдвигает отправную тему "Инстинктивное поведение и навык". Каждая из этих тем распадается на ряд самостоятельных работ, выполняемых отдельными сотрудниками. Отдел клинической психологии сосредотачивает своё внимание на изучении психологической картины и психологических механизмов при органических поражениях коры головного мозга – в первую очередь афазий и родственных с ними страданий (алексий, аграфий, различных агнозий и т.д.). Центральным является определение роли внутренней речи и её выпадения в ряде симптомов коркового поражения. Эта проблема обрастет рядом дочерних и вспомогательных исследований: о специфичности психологической картины при различных классических формах, о процессе реституции и викарном замещении психологических функций, и роли темпа в процессе осознания, и, наконец, ряд работ над самой методикой исследования больных с поражением коры головного мозга, имеющих задачей дать новые приёмы и схемы исследования больных указанного рода, – приемы и схемы, которые соответствовали бы современному уровню развития психологии и клиники и заменили бы устаревшие методы, до сих пор ещё, за отсутствием лучшего, имеющие хождение в неврологических и психиатрических клиниках" [22; 34-35].

Кроме того, мы можем получить представление о масштабе и тематике работ, проводимых в психологическом секторе УПНА в середине 1930х гг., из публикации в разделе Библиография сборника научно-информационных материалов Украинской психоневрологической академии за 1936 г. "Список научных работ, законченных в Украинской психоневрологической академии в 1935 г." включает в себя всего 204 работы, из них 25 были выполнены либо в психологическом секторе, либо при участии сотрудников этого сектора [69]. Следуя Гальперину, который определял главную задачу сектора психологии как "изучение развития *мышления, речи и практической деятельности* в их взаимосвязи и отношении к другим психологическим функциям" а также "их изучение в распаде,

наступающем вследствие функционального или органического страдания их материального носителя, головного мозга” [22; 34], можно тематически сгруппировать работы сектора, законченные в 1935 г., по таким основным и наиболее общим категориям как "практический интеллект" и "мышление и речь". Примечателен тот факт, что каждая из этих тем нашла своё отражение в работе обоих основных, экспериментальных отделов сектора.

Исследования “практического интеллекта” в отделе генетической психологии проводили Аснин (“Своеобразии двигательного навыка в зависимости от способа его образования”), Божович (“Речь и практический интеллект”)⁵³, Гальперин (“Психологическое различие между орудиями и средствами и его значение”), Запорожец и Зинченко (“Исследование значения функции практической деятельности ребёнка”), Леонтьев (“Проблемы преграды и обходного движения в поведении”), Леонтьев и Аснин (“Переносная функция интеллекта”), и Розенблум и Соломаха (“Развитие мотивов практической деятельности ребёнка”), а в отделе клинической психологии – О.С. Марголис. и Г.И.Волошин (“Практический интеллект дементных больных”).

К исследованиям в области, условно говоря, изучения взаимоотношения мышления и речи можно отнести такие темы сотрудников отдела генетической психологии как работа Божович (“Речь и практический интеллект”), Божович и Зинченко (“Овладение детьми понятийными формами мышления”), Запорожца (“Доречевые формы мышления”), Лукова (“Осознание речи в развитии дискурсивного мышления ребёнка”), Лукова и Запорожца (“Развитие рассуждения у ребёнка”), а также исследование Лебединского и Волошина (“Речь и мышление шизофренических больных”), проведённое в отделе клинической психологии. К работам в этой области примыкает серия клинических исследований афазии – Козис (“Парафазия афазиков”), Козис, Марголис и А.Б. Горелик (“Детализация методик для исследования афазии”), В.В. Шостакович и Волошин (“Психологическая характеристика комбинированных афазий”); шизофрении – Д.Н. Арутюнов и Марголис (“Исследование классифицирующей деятельности у шизофреников”) и деменции – Лебединский (“Психологическое исследование дементных паралитиков”).

В отдельную группу, пожалуй, следут выделить исследования процессов смыслообразования, представленные работами Запорожца (“Семический анализ детской речи”) в отделе генетической психологии и Артюх

⁵³ Известно, что это исследование было начато ещё в 1929 г. в Москве и проводилось, по всей видимости, по инициативе и под руководством Выготского. Впервые статья была опубликована в 2006 г. в журнале *Культурно-историческая психология*.

(“Смысловая организация понимания речи детьми и детской речи”) и Лебединского (“Сравнительное изучение семических полей”) в отделе клинической психологии. К ним примыкает исследование Аснина и Запорожца “Семический анализ языковых значений, усвоенных в школе”, проведенное в Украинском научно-исследовательском институте педагогики⁵⁴.

Исследования отдела теоретической психологии представлены работами Гальперина, посвященными методологическому разбору различий между физиологическим и психологическим исследованием, выполненные с точки зрения изучения нормального развития в филогенезе (“О психологии и физиологии в разумном поведении животных”) и, с другой стороны, под углом исследования патологии развития в онтогенезе (“Разграничение психологических и физиологических исследований в патопсихологии”), а также журнальными публикациями о предмете и методологии психологического исследования [20], [21], [19]. И наконец, замыкают список психологических исследований, законченных в УПНА в 1935 г., две работы А.Е. Хильченко, предположительно, сотрудника лаборатории зоопсихологии отдела генетической психологии: “Отношения геометрических величин (у обезьяны). Психологическое исследование” и “Отношения как условные раздражители (у собак). Психологическое исследование”. Роль А.Е. Хильченко в истории харьковской школы на настоящий момент установить не удалось.

В число работ психологического сектора УПНА периода до 1936 г. также входят публикация “психологического анализа случая сенсорной афазии” Лебединского [49] и его же статья об особенностях мышления при афазии, опубликованная на немецком языке в двух номерах *Wiener Klinische Wochenschrift* в том же 1936 г. [113], а также работа Ф.В. Бассина о нарушении словесных значений при шизофрении, завершенная в Харькове в 1935 [4] (см. [10], [62], [72]), и исследование практического интеллекта у шизофреников, начатое Запорожцем не позднее 1936 г. [113] и оформленное в виде рукописи к 1937 г.⁵⁵ [33] (см. [10], [46]).

Думается, что лучшее резюме работы психологического сектора УПНА по состоянию дел к середине 1936 г. мы можем найти в письме Лурия Максу Вертхаймеру, датированном 9 мая 1936 г. Письмо Лурии,

⁵⁴ Эта работа планировалась к публикации в несостоявшемся сборнике научных работ Украинского научно-исследовательского института педагогики в 1936 г.

⁵⁵ Копия этой рукописи, датированная 1939 г., равно как и весь личный архив А.В. Запорожца хранится в бывшем Научно-исследовательском институте дошкольного воспитания, ныне – Институте развития дошкольного образования РАО.

написанное от руки на немецком языке на бланке Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ) и отправленное Вертхаймеру в Нью-Йорк, где оно и по сей день хранится в фондах городской библиотеки (New-York public library), было недавно опубликовано в английском переводе. Отсюда возможны некоторые искажения исходного смысла в приведенном ниже переводе английского текста на русский язык. В этом письме, отвечая на вопрос Вертхаймера о том, какую научную работу он проводит в это время, Лурия определил два основных направления исследований своей группы:

“В настоящее время я экспериментально исследую два вопроса. Первый затрагивает общие законы психологического развития: в первую очередь мы исследуем как в процессе человеческого развития развивается [evolves] смысловая картина мира (meaningful representation of the world) (каковую мы видим в смысле [meaning] действий и языка), как реорганизуется смысловое поле [the world of meaning] и психические функции в процессе обучения, и как обучение может вести к реорганизации взаимоотношений между психическими [psychological] функциями. [...]

Второй вопрос, разрешением которого я занимаюсь в первую очередь, это разрушение [destruction] смыслового поля [the world of meaning] и структуры [construction] психических функций при поражении мозга. В этой области нам удалось выработать методы анализа значения слова, живого [living] семантического синтаксиса языка, которые позволяют выявить деградацию мозговых функций [brain capability], а также демонстрируют закономерное ухудшение функционирования [deterioration] при мозговых поражениях. Патологические семантика, синтаксис и функциональные структуры психики составляют вторую часть того проблемного поля, которое мы здесь интенсивно разрабатываем” [108; 274]⁵⁶.

⁵⁶ At the moment I am occupied experimentally with two questions; one concerns the general laws of psychological development; we are interested primarily in how during psychological development the meaningful representation of the world (which we see in the meaning of action and language) evolves, how in the course of the learning process there occurs a reorganization of the world of meaning and of psychological functions, and how learning can lead to a reorganization of the interrelation of the psychological functions. [We have succeeded, with artificial intervention in identical twins, in obtaining very interesting displacements of psychological structures.

The second [issue] in which I am primarily engaged is the destruction of the world of meaning and of the construction of psychological functions with brain damage. Here too we succeeded in finding methods of analysis of the meaning of a word, of the living semantic syntax of language, which have become a good indicator of the decline of brain capability and which show a lawful deterioration with brain injuries. The

Однако многим дерзким планам не суждено было осуществиться: 1936 год принес постановление о "педологических извращениях в системе Наркомпроса", который фактически ознаменовал собой начало Большого Террора в науках о человеке. Этим годом открывается новая страница в истории отечественной психологии. Впрочем, это уже отдельная тема.

ХГПИ в психологических исследованиях Харьковской группы

ХГПИ был образован 1 сентября 1933 года на основе Всеукраинского института народного просвещения им. Скрипника (Всеукраїнський Інститут Народної Освіти ім. М.О. Скрипника) в результате постановления коллегии Наркома Просвещения о реорганизации системы педобразования. Сталинский "Великий Перелом", провозглашенный в 1929 г., ознаменовал начало новой эпохи тотальной мобилизации человеческих ресурсов и создания новых административно-хозяйственных структур. Десятилетие 1930-х годов проходит под знаком усиления контроля за наукой, взаимопроникновения науки и государственно-партийных органов и создания "Сталинистской науки" в Советском Союзе [111]. Вполне в духе эпохи великих свершений в начале 1930-х годов по всей стране проходят процессы реорганизации старых и появления новых учебных и научно-исследовательских заведений, таких как, например, Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ) (1929), Экспериментальный дефектологический институт (ЭДИ) (1929), Институт языка и мышления (1931), Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ) (1932), Украинская психоневрологическая академия (1932) или Харьковский педагогический институт (1933). За годы первой пятилетки (1928-32) количество научных институтов по всей стране выросло наполовину, с 1263 до 1908, из них число научно-исследовательских институтов увеличилось с 438 до 1028 [26; 244]. При этом примечательно, что за период с 1929 по 1931 год административный аппарат науки разросся восьмикратно (!) с 362 до 2903 управленцев в науке [29; 116-7].

Это было очень непростое время для Украины, время огромных социальных потрясений и колоссальных человеческих жертв⁵⁷. Вместе с

pathological semantics, syntax, and functional structures of the psyche constitute the second part of the problem field with which we are very concerned here.

⁵⁷ Из воспоминаний психолога А.А. Катаевой-Венгер о жизни в Харькове в 1932-33 гг.: "Стояла жестокая зима. Толпы опухших от голода, умирающих людей хлынули в город. Они просили хлеба. Всюду, всюду горожан преследовали протянутые руки. Дома к нам в дверь непрерывно звонили. На звонок, как правило, выглядывала мама. Она смотрела на просящего и либо отказывала и

тем, на фоне коллективизации и индустриализации, невыполнения плана хлебозаготовок в Украинской ССР, голода на юге СССР, продолжающейся централизации власти и дальнейшей бюрократизации всех общественных институтов проходит и смена руководства в высших эшелонах власти в стране, и в частности, в Украинской республике. В 1927-1933 гг. за "националистический уклон" был подвергнут критике нарком образования Украины. Н.А. Скрыпник. В разгар кампании по борьбе с национализмом Скрыпник, обвиненный в "буржуазном национализме", покончил с собой в своем кабинете 7 июля 1933 г. В 1933-34 гг. прокатилась волна арестов по обвинениям в национализме среди украинской интеллигенции. Так, например, в это время были арестованы видные ее представители, связанные с харьковскими психологами, такие, как один из лидеров отечественной дефектологии и сурдотифлопедагогики И.А. Соколянский (об истории двух арестов Соколянского в 1930-е годы см. [3]), первый учитель А.В. Запорожца (об ученичестве Запорожца см. [32]), основатель и режиссер театра "Березиль" Л. Курбас, драматург "Березиль" М. Кулиш и многие другие.

Первые психологи были зачислены в штат Харьковского педагогического института как раз в разгар кампании по борьбе с "национализмом". Приказом по институту от 5 сентября 1933 г. был утвержден профессорско-преподавательский состав, в числе прочих восьми сотрудников кафедры педологии – профессор психологии А.Н. Леонтьев и доцент психологии В.И. Аснин. Уже с 1 октября кафедра психологии была выделена в самостоятельную организационную единицу. Первыми сотрудниками кафедры стали профессор и заведующий кафедрой Леонтьев, доценты Аснин и Запорожец, а также ассистенты кафедры О.М. (А.М.?) Герасименко и Г.Д. Луков.

Осенью 1933 г. волна репрессий достигла и ХГПИ. Приказом по институту были сняты с занимаемых должностей проф. Гарбуз (зав. кафедрой педагогики, который "систематически своими классово-враждебными и вредными "теориями" пытался сорвать реализацию политехнической школы"), проф. Ярославский (зав. кафедрой внешкольного образования, уволен как "носитель классово-враждебных, буржуазно-националистических теорий") и проф. Залужный (зав. кафедрой педоло-

говорила при этом страшные слова: «Этому уже не можешь», либо говорила: «А вот этому надо дать», и выносила кусок, который был предназначен нам на ужин, хотя и понимала прекрасно, что это капля в море. По утрам на лестнице нашего дома и на всей площади по пути к школе лежали трупы – мужчин, женщин, детей. К тому моменту, как я возвращалась из школы, их убирали, все было чисто и свободно. А наутро все повторялось снова...” [42].

гии, уволен как "носитель право-оппортунистических, национал-фашистских теорий"). В 1933 г. особую известность получает выражение "Харьковская школа". При этом весьма примечателен тот факт, что эта "Харьковская школа" начала 1930х годов не имела ничего общего с общеизвестным кругом психологов объединившемся вокруг А.Н. Леонтьева в Харькове (см., например, [77,79]). Более того, как мы увидим ниже, группа Леонтьева находилась в явной оппозиции к членам этой "Харьковской школы" начала 1930х годов. Из приказа по ХГПИ от 13 декабря 1933 г.: "Проф. Залужный А.С. в своих теоретических работах допустил целый ряд право-оппортунистических, буржуазно-националистических ошибок. Возглавляя так называемую "Харьковскую школу" после ее решительной критики не только не признал открыто классовую враждебность ее теории, а напротив, уже в 1933 г. допустил публикацию под своей редакцией и при [своем] непосредственном участии учебника педологии, в котором Залужный не только остался на старых позициях, а продолжал их, скатываясь на левацкие и буржуазно-националистические позиции. Кафедра педологии, во главе которой стоял Залужный, не организовала до настоящего времени критики своих ошибок перед массой преподавателей и студенчества, ограничившись неверной и неполной критикой внутри кафедры. Проф. Залужного как носителя право-оппортунистических, национал-фашистских теорий от руководства кафедрой и от преподавания педологии в институте освободить". В ХГПИ прозвучали лишь отголоски антискрипниковской кампании, в то время как основной удар пришелся на Украинский научно-исследовательский институт педагогики (УНДИП). Из отчета ЦКК КП(б)У о работе между XI и XII съездами КП(б)У (т.е. с июня 1930 до января 1934 г.): "Украинский научно-исследовательский институт педагогики был также запятнан националистическими петлюровскими элементами, 30% научных работников были контрреволюционными шпионами и вредителями" (цит. по [96]).

Психологи, казалось, были в относительной безопасности. А.Н. Леонтьев в устной автобиографии, надиктованной сыну в 1976 г., так описывал эту ситуацию: "[Зима 1933/34 годов прошла без особых событий.] Наиболее заметны были антискрипниковские события – Скрипник был наркомом просвещения Украины, насаждал антисоветизм и национализм. В частности, выписал для украинских школ преподавателей с Западной Украины (таким образом, рассадил агентуру!). Кончил жизнь самоубийством... Но, слава богу, мы не имели ничего общего со Скрипником (были в системе Наркомздрава, президентом Психоневрологической акаде-

мии была Затонская⁵⁸)" [60; 378]. Все же, думается, что в результате изменения идеологического вектора и тектонических сдвигов в структуре власти в Украинской республике опасность увольнения и преследований все же существовала и могла послужить одной из причин отъезда из Харькова Лурия (весной) и Леонтьева (осенью 1934 года). И в самом деле, урон, нанесенный украинской интеллигенции в начале 1930-х годов, был огромен. В целом на протяжении 1931-33 гг. за "контрреволюционные преступления" в УССР были привлечены к ответственности 16771 человек, из них 6164 исключены из партии [96]. При этом потери украинских культурно-творческих кадров составляли около двух третей их численного состава. Лишь на протяжении 1932-33 гг. количество научных сотрудников в Украинской республике уменьшилось на 1649 человек, что привело к острой нехватке научных и профессиональных кадров в республике [91], вызвало необходимость форсированной подготовки новых специалистов и, в свою очередь, привело к формированию представителей когорты так называемой "красной профессуры" [96]. Впрочем, причина отъезда этих двух ученых в Москву могла быть гораздо более прозаична, и определенную роль тут могла сыграть утрата Харьковом столичного статуса и постепенное сокращение финансирования научных исследований в этом городе.

В августе 1934 г. прошла очередная реорганизация ХГПИ, и педология с психологией оказались организационно объединены в одну кафедру психологии и педологии. Можно предположить, что такое сближение этих двух наук должно было вызывать определенную озабоченность у психологов ввиду того, что предыдущим руководителем кафедры педологии был *persona non grata* Залужный и что кампания по борьбе с "националистическим уклоном" продолжалась и набирала обороты. В этом контексте в декабрьском номере журнала "Комуністична освіта" (Коммунистическое просвещение) под рубрикой "За большевистскую расчистку педагогического фронта" вышла статья молодого харьковского психолога П. Зинченко "Харьковская педагогическая школа" и психология [93], оказавшаяся первой публикацией этого мало кому известного в ту пору автора. К 1934 г. П.И. Зинченко уже закончил аспирантуру в УНДИПе и сов-

⁵⁸ Елена Самойловна Затонская (Раскина), по образованию врач, жена сменившего Скрыпника на посту наркома просвещения В.П. Затонского (нарком просвещения Украины с февраля 1933 г. до ареста в ноябре 1937 г.). Была первым президентом Украинской психоневрологической академии (УПНА) от основания академии в 1932 г. до переезда членов украинского правительства и их семей в Киев в 1934 г. В 1934-1937 гг. возглавляла Украинский НИИ травматологии и ортопедии. Вместе с мужем была арестована в 1937 г.

мещал работу в этом исследовательском институте (до июня 1936 г.) с преподаванием в Харьковском государственном институте иностранных языков (ХГПИИЯ) (с мая 1934 года). Статья эта очень непростая, и именно в интерпретации таких текстов, как этот, и биографический, и интернационалистский подход к истории науки оказываются очевидно несостоятельны. И вправду, с позиций современного дня и без учета реалий научного "новояза" и ритуалов того времени эта статья предстает погромной. В то же время, этот текст выстроен по канонам критической статьи середины 1930-х гг. и фактически повторяет все основные речевые формулы партийного жаргона, стремительно проникавшего в научный дискурс того времени (см. [111]): здесь есть и обвинения в фальсификации учения Маркса, и в антиленинских позициях в психологии, и в "воинствующем биологизме" в работах Залужного и Соколянского, ставших главными объектами критики молодого автора, и даже в фашистских установках в педагогике в работах этих двух авторов⁵⁹.

Здесь, пожалуй будет уместен краткий исторический комментарий. Национал-социалисты пришли к власти в Германии 30 января 1933 г., и, начиная с 1933 г., в Советском Союзе вышла целая серия статей с критикой фашистских установок в психологии в Германии и за ее пределами. Так, например, в статье Л.С. Выготского "Фашизм в психоневрологии" из одноименного сборника 1934 г. [17] можно найти критику "фашизма в психологии", "кулацкой идеологии", "острого и гнилостного разложения научной мысли" и "процессов загнивания" немецкой психологии, ставшей на путь сотрудничества с нацизмом. Помимо этого, автор предвещает "страшное обострение классовой борьбы в науке вообще и в психологии в частности" (там же, с. 28), которое должно наступить в результате внедрения идеологии фашизма в науку. В этой же статье автор пронизательно подмечает слияние науки и тоталитарного государства и подчеркивает добровольность и активность ученых в процессе политизации науки: "Счастливая Германия! Ей не пришлось по совету Скалозуба фельдфебеля в Вольтеры дать. Фашистские Вольтеры сами охотно перевоплотились в фельдфебелей немецкого национального движения" (там же, с. 20). Думается, что двусмысленность этого утверждения и неоднозначность адресации статьи в целом очень характерны для новояза советской науки, скла-

⁵⁹ Образцы партийной фразеологии и публичной критики националистического уклона того времени можно найти, например, в выступлениях на XVII съезде ВКП(б), например, в докладах Сталина, Косиора, Чубаря или Постышева [1].

дававшегося на протяжении 1920-30х гг. (ср. комментарий к публикации английского перевода статьи Выготского [127; 335-336])⁶⁰.

Предметный и детальный анализ критического текста П.И. Зинченко на фоне научного дискурса и партийного жаргона того времени представляется исключительно интересным и важным, и выходит за рамки этой статьи. Следует лишь отметить, что первая статья Зинченко выпадает из ряда критических статей того времени в адрес представителей "Харьковской школы". В отличие от статей целого ряда других авторов, быстро отозвавшихся на запрос времени и опубликовавших свои гневные эскапады в адрес харьковских буржуазных националистов в конце 1933 - начале 1934 г., статья Зинченко несколько "запоздала" и была опубликована лишь в декабре 1934 года. Несмотря на полемический задор и использование весьма своеобразной фразеологии воинствующей и бичующей критики того времени, автору при этом удалось удержаться в рамках научного обсуждения теоретических и методологических вопросов. Огульная критика националистического уклона у других авторов, граничащая с политическим доносом, разительно контрастирует с разбором рефлексологических установок в работах Залужного и, в меньшей степени, Соколянского. Лейтмотивом статьи Зинченко становится полемика с этими авторами по целому ряду положений, таких, как понятие рефлекса, используемое для объяснения всего многообразия форм поведения человека, и призыв "отбросить всякий психологизм" (Соколянский), альтернатива либо физиологического, либо социологического редукционизма в изучении общественного поведения человека (Залужный)⁶¹, призыв к изучению

⁶⁰ Из других "антифашистских" публикаций того времени следует также отметить ряд статей таких авторов, как И.Н. Шпильрейн, А.Р. Лурия, М.А. Левина и др.: Шпильрейн И.Н. (1933). Фашизация немецкой науки // Советская психотехника, №3, 310-302.

Лурия, А.Р. (1933). Психология рас и фашистская наука // Фронт науки и техники, №12, 97-108.

Лившиц Е. Фашизация школы в Германии // Коммунистическая революция. 1934. №5. с. 74-84.

Соколова А. О преподавании истории в фашистской Германии // Борьба классов. 1934. №5-6. с. 63-73.

Левина, М. (1936). Фашизация науки о личности и воспитании в Германии // Под знаменем марксизма-ленинизма, №2-3, 6-39.

Кольман Э. Черносотенный бред фашизма и наша медико-биологическая наука // Под знаменем марксизма, 1936, №11, 64-73.

⁶¹ Зинченко приводит цитату из работы Залужного, в которой тот утверждает, что "только физиология и рефлексология, как науки об анатомо-физиологических механизмах поведения, с одной стороны, и социология - с другой, являются теми

поведения, понимаемого как совокупность рефлексов, и целенаправленное игнорирование сознания как объекта исследования (Залужный)⁶². Можно предположить, что публикация статьи П. Зинченко в конечном счете выполнила стратегически исключительно важную роль в становлении харьковских психологов, которые последовательно дистанцировались как от педологии и рефлексологии, так и от других политически неблагонадежных направлений исследований.

По всей видимости, стратегия на размежевание была выбрана верно, и в 1934-1936 гг. штат кафедры психологии ХГПИ пополнился такими сотрудниками, как В.В. Мистюк (ассистент) и П.И. Зинченко (и.о. доцента) – оба с 1934 г., К.Е. Хоменко (доцент) и Д.М. Арановская (аспирант) – обе с 1935 г., а также А.И. Розенблюм, П.Я. Гальперин (доценты, оба работали временно и были зачислены с почасовой формой оплаты) и Л.И. Котлярова (лаборант, зав. кабинетом психологии) – с 1936 г. Примечательно, что все эти назначения проходят параллельно с увольнениями работников, запятнаных сотрудничеством с "Харьковской школой", таких, как доц. кафедры педологии Година, проф. педологии П.Ю. Волобуев или и.о. проф. психопатологии Е.Г. Уринсон (все – до конца 1934 г.). Таким образом, к выходу постановления ЦК партии о педологических извращениях летом 1936 г. в штате института насчитывалось не менее десяти психологов (Леонтьев, Аснин, Запорожец, Луков, Хоменко, Розенблюм, Гальперин, Мистюк, Котлярова и Арановская), совмещавших преподавание в педагогическом институте с исследовательской работой в УПНА и УНДИПе. Стратегия размежевания с педологами неожиданно оказалась особенно верной после постановления о педологии. При том, что в августе-сентябре 1936 г. кафедра психологии потеряла лишь трех сотрудни-

научными дисциплинами, на которые непосредственно может опираться практическая наука об организации поведения человека и человеческого коллектива".

⁶² Еще цитата из книги Залужного "Учение о коллективе" [31]: "Основным объектом изучения живых существ будет изучение их реакций или изучение их поведения, которое составляется из простых рефлексов, безусловных или условных, из сложившихся цепных рефлексов, будь это унаследованные инстинкты или условные выработанные рефлексы, или так называемые целесообразно приспособленные "сознательные" ([П.И.Зинченко:!!]) акты поведения. Эти последние нас тут наиболее интересуют" (с. 43). Из другого места: "Сознания как врожденной сущности человека для него (Маркса) не существует ([П.И.Зинченко:!!]), а есть только поведение конкретных людей, которое в обществе приобретают [sic] характер "сознательного" поведения", и далее: "если мы хотим остаться на строго научной почве, то мы должны ограничиваться изучением только того, что мы наблюдаем в поведении" (там же, с. 36-7).

ков-почасовиков с формулировкой "в связи с отсутствием нагрузки" (доценты Зинченко, Гальперин и Розенблюм), кафедра педологии, которая к тому времени, очевидно, была опять выделена в самостоятельную организационную единицу, была ликвидирована в полном составе (проф. С.Г. Рубинштейн, Бродская, Рудченко, Резенко, Мандзюк и Розовский).

Не так благополучно обстояли дела у психологов в УПНА. Во второй половине 1936 – начале 1937 г. Академия была реорганизована и переименована в Украинский психоневрологический институт (УПНИ). Это событие интерпретируется разными авторами по-разному. Одни авторы пишут о "разгроме УПНА", в ходе которого инициатор создания сектора психологии и его директор с 1934 г., второй президент УПНА (с 1934 по 1937 г.), Леон Лазаревич Рохлин был арестован, а должность президента Академии упразднена [73,105]. С другой стороны, существуют отчеты о ее "реорганизации в Украинский психоневрологический институт, в котором были в основном сохранены без деления на отдельные институты структурные единицы академии" [11,12]. Так или иначе, реструктуризация УПНА заметно сказалась на психологических исследованиях в этой организации: из всего сектора психологии уцелел лишь один отдел клинической психологии, впоследствии переименованный в лабораторию клинической психологии.

Тем временем, летом 1934 г. УНДИП переехал в новую столицу Украины – Киев, а оставшаяся в Харькове структура получила название Харьковского научно-исследовательского института педагогики (ХНИИП). ХНИИП был на протяжении некоторого времени местом работы харьковских психологов. Так, к примеру, редакторы Хрестоматии по возрастной и педагогической психологии И.И. Ильясов и В.Я. Ляудис сообщают, что свой программный доклад "Овладение учащимися научными понятиями как проблема педагогической психологии" А.Н. Леонтьев сделал 17 марта 1935 г на пленуме этого института. И все же, из-за недостатка финансирования, людских ресурсов и недостаточной поддержки в республиканских правительственных кругах ХНИИП медленно затухал и просуществовал ещё всего два года до своего окончательного закрытия в конце 1936 г. – начале 1937 г. [100; 70]. Думается, далеко не последнюю роль в закрытии ХНИИП и отделов теоретической, генетической и общей психологии УПНА сыграло и постановление о педологических извращениях в системе Наркомпросов и новый виток преследований "буржуазных националистов".

Таким образом, к началу 1937 г. основной базой психологических исследований в области детской психологии, психологии образования и развития в Харькове стала кафедра психологии ХГПИ. Кафедру психологии, которой бесценно руководил А.Н. Леонтьев с ее основания в 1933 г.

до 1 декабря 1937 г., с конца 1937 – начала 1938 года возглавлял А.В. Запорожец. Впрочем, если исходить из того, что А.Н. Леонтьев в автобиографии, написанной в 1960-е годы, указывал период своей жизни в Харькове как 1931-1936 гг. [53], то есть основания считать, что фактически руководить кафедрой психологии ХГПИ Запорожец начал еще раньше.

Большой Террор, начавшийся показательным открытым судебным процессом по делу «Троцкистско-зиновьевского объединённого центра» 19–24 августа 1936 г., затронул и психологов Харьковского педагогического. Из воспоминаний жены А.В. Запорожца Т.О. Гиневской известно, что "в течение двух кошмарных месяцев каждые два дня Александр Владимирович вызывался к следователю по политическим делам, который по несколько часов уговаривал его подписать протокол, из которого следовало, что Александр Владимирович является членом "вредительской" группы, собиравшейся выступать против советской власти... Шесть раз мы прощались навсегда... Мы были уверены в вечной разлуке, только Сашу почему-то каждый раз отпускали домой" [25; 23]. В.И. Аснин попал под огонь критики по делу о "вражеской агентуре" в ХГПИ, по обвинению в связи "с организатором националистической банды в УНДИПе" [98; 171]. Анатолий Розенблум, "научный работник по психологии" и сотрудник Полтавского педагогического института, был арестован 29 января 1938 г., как "активный участник антисоветской эсеровской террористической организации" и 22 сентября 1938 г. приговорен к высшей мере наказания. В тот же день приговор был приведен в исполнение [67]⁶³. Там же и тогда же, в Киеве 22 сентября 1938 г., был приговорен к расстрелу и бывший глава "Харьковской школы" Александр Самойлович Залужный [98; 146].

Таковы основные вехи предыстории и исторический контекст Первой научной сессии Харьковского государственного педагогического института 1938 года, важном событии в истории отечественной психологии, которое позволяет нам понять непростую, но очевидно нелинейную зависимость развития науки от политики в нашей стране и о котором нам по сей день известно ничтожно мало. Научная сессия ХГПИ проходила с 17 по 19 декабря 1938 г. В работе объединенной сессии педагогики и психологии приняло участие 62 человека, из них 16 гостей, приехавших из

⁶³ В своем докладе в 1976 г. А.Н. Леонтьев вспоминал об А.И. Розенблюме: "...и еще одно имя я хочу назвать. Я называл его, по-моему, только один раз в публикациях, в приложении последней книжки — это Анатолий Розенблум. К сожалению, он умер очень рано, едва проработав три-четыре года. Он тоже внес существенные разработки, идеи, представления" [57]. Автору этого очерка упоминания имени А.И. Розенблума в прижизненных публикациях А.Н. Леонтьева найти не удалось.

Москвы, Ленинграда, Полтавы, Сум, Ворошиловграда, Артемовска, Тирасполя, Кировска и Запорожья. Помимо одного пленарного доклада 17 декабря, ещё семь докладов по психологии состоялись 18 декабря. На пленарном заседании 17 декабря с докладом на тему "Развитие психики у ребенка" выступил А.Н. Леонтьев. 18 декабря на вечернем заседании секции педагогики и психологии под председательством Леонтьева прозвучали следующие доклады психологов: "Об условиях образования представления" (Запорожец); "Психология и патопсихология" (Лебединский); "К вопросу об условиях надежности психологического исследования интеллекта" (Аснин); "Понимание художественного образа детьми младшего возраста" (Хоменко); "К вопросу об осознании ребенком речи в процессе игры" (Луков); "Учение о памяти" (Гальперин) и "Проблема непроизвольного запоминания у ребенка" (Зинченко). На следующий день А.Н. Леонтьев в работе научной сессии ХГПИ участия не принимал, а продолжение прений по докладам предшествующего дня на заседании секции педагогики и психологии 19 декабря прошло под председательством А.В. Запорожца. В прениях 18 и 19 декабря выступили Эльконин, С.Л. Рубинштейн, Богословский, Божович, Катков, Арановская и др. С заключительным докладом на пленарном заседании 19 декабря от секции педагогики и психологии выступил А.В. Запорожец. Два последних доклада секции психологии (т.е. доклады Гальперина и Зинченко о памяти) были опубликованы в журнале *Культурно-историческая психология* за 2009 год [23], [39]. На следующий год текст Зинченко со сходным названием, но весьма несходным содержанием был опубликован в «Научных записках Харьковского педагогического института иностранных языков» [38]. Следует, пожалуй, разъяснить, почему публикация этих архивных материалов 1938 г. может представлять интерес для современных психологов и историков науки.

Начнем с того, что публикация архивных материалов всегда интересна уже в силу того, что редкие и малоизвестные материалы становятся доступными широкой читательской аудитории. Особенно это верно в том случае, когда такая публикация может пролить свет на события и процессы, которые разные исследователи описывают как "лауну" [103] или "белое пятно в историографии психологии" [79]. Впрочем, это, пожалуй, верно в отношении любых публикаций архивных материалов того времени.

Затем, важность архивных материалов научной сессии ХГПИ объясняется ещё и тем обстоятельством, что в декабре 1938 года состоялась первая официальная презентация результатов целой серии многолетних исследований харьковской группы. До того времени, можно предположить, только единицам исследователей было доступно все богатство пси-

хологических исследований, проводимых в Харькове с 1932 года, когда первая группа психологов обосновалась в исследовательских институтах города. Таким образом, рождение "Харьковской школы психологии" фактически состоялось в момент первой публичной презентации результатов серии оригинальных харьковских исследований. Впрочем, об этом несколько позже. Кроме того, чрезвычайно интересным представляется сопоставление этих двух текстов, которые разрабатывают тему психологического исследования обучения и памяти. Примечательно, что эти доклады, публикуемые нами, представляют их авторов (Гальперин и Зинченко) в контексте коллектива единомышленников и сотрудников, а не главами разных психологических школ, возникших уже в послевоенный период.

И все же, именно эта публикация представляет для нас значительный интерес как источник, дающий нам важнейший материал для размышления о внутренней механике научного производства группы исследователей-"выготчан" во второй половине 1930-х гг. Контекст презентации этих докладов исключительно важен. В отличие от дошедших до нас публикаций того времени, прошедших цензуру и получивших одобрение в органах Главлита (главное управление по делам литературы и издательств, организация проводившая цензуру всей печатной продукции в стране), эти тексты передают живую речь докладов, сделанных в сравнительно неформальных условиях для сравнительно небольшой группы специалистов. При этом очень существенно, что целый ряд исследований, прозвучавших в виде устных докладов на сессии ХГПУ в декабре 1938 года, был вскоре опубликован в харьковских научных изданиях. Доклад Зинченко о непроизвольном запоминании, вероятно, объединенный с некоторыми местами из доклада Гальперина, был опубликован в *Научных записках ХГПИИЯ* [38], а доклад Лукова об осознании ребенком речи в процессе игры – в *Научных записках ХГПИ* уже в 1939 г. [97]. Доклады Аснина об условиях надежности психологического эксперимента и Хоменко о понимании художественного образа детьми выходят в виде статей в *Научных записках ХГПИ* в 1941 г. [90,99].

Эти архивные материалы перекликаются с текстуальным анализом Мещерякова, выявившим "довольно строгую стратиграфию" статьи Зинченко (1939), где текст с признанием высоких заслуг Выготского и исключительной важности и новаторства его работ перемежается с резко критическими пассажами, вставленными, по мнению Мещерякова, "для маскировки" [68,121]. Сравнение разных версий, внутренней и публичной, одного и того же текста выглядит исключительно интересным и продуктивным для историка советской науки. Так, к примеру, известная критика Выготского в статье Зинченко 1939 года никак не прозвучала в его же докладе 1938 года. Любопытно при этом, что критика работы Леонтье-

ва по психологии памяти [59], озвученная в докладе Гальперина 1938 года, переключалась в опубликованный текст Зинченко, но с существенными изменениями.

Таким образом, можно утверждать, что сравнительный анализ позволяет выявить некоторые механизмы, по выражению Иосифа Бродского, письма "на эзоповой фене", конструирования публичного текста при тоталитаризме и определить конкретно-исторические текстуальные формы существования советского научного "двоемыслия" (doublethink) и "новояза" (newspeak) [122]. К примеру, анализируя текст рецензии В.М. Боровского на *Труды практической лаборатории по зоопсихологии* (1928), написанный автором для читательской аудитории научного журнала *Психология* и, с другой стороны, сравнивая его с критическими статьями того же автора, опубликованными в партийном органе *Под знаменем марксизма* (журнал основан в 1922 году для пропаганды воинствующего материализма и атеизма), Кременцов указывает на сосуществование двух разных стилей научной критики в 1920-е годы [111]. Марксистская терминология и воинствующий стиль критики партийных изданий у одного и того же автора резко сменяется традиционной научной критикой публикации в специализированном профессиональном и научном издании (там же, 27-29). Впрочем, в начале 1930-х годов различия между двумя типами изданий начинают стираться вплоть до полного стилистического единства, что и объясняет исключительную важность таких источников по истории науки 1930-х годов, как личная переписка, дневниковые записи, конспекты лекций и стенограммы выступлений.

Говоря о дискурсивных практиках (discursive practices, pratiques discursives) советских ученых, следует, пожалуй, различать партийный новояз советской эпохи и тот научный дискурс, который авторы невероятными усилиями создавали в ответ на требования времени. Характерен фрагмент из воспоминаний об А.Н. Леонтьеве его внука Д.А. Леонтьева: "... Он был человеком с очень сильным внутренним контролем и он жил в таких хронотопах, в такие времена, где очень важно было очень сильно контролировать то, что ты думаешь, говоришь и пишешь. Существует даже легенда о том, что его как-то спросили: «Алексей Николаевич, почему Вы пишете так сложно, заковыристо, такими длинными фразами, в которые потом очень трудно проникнуть, осмыслить? Почему нельзя проще, прямее, яснее выразиться?» На что он ответил: «В свое время жизнь приучила меня писать так, чтобы нельзя было вырвать фразу из контекста и за нее посадить». Поэтому какие-то вещи, касающиеся, возможно, отношений с теми людьми, которые оказались персонами нон гра в Советской стране, например, Челпанов, Шпет и т.д., могли оказаться в зоне умолчания. Ему было о чем молчать и он, наверное, об очень мно-

гом молчал в своей жизни. Молчал, в том числе, и в семье, и дома" [61]. Ср. также: "Чтобы по достоинству оценить блестящее искусство Ф.В.Бассина как теоретика и полемиста, надо хорошо знать эпоху, в которую ему пришлось работать. Это было время, когда новые пути в науке и даже любые отклонения от принятых стереотипов, освященных авторитетом классиков марксизма-ленинизма, следовало облекать в идеологически приемлемые формы. В его лице отечественная психоневрология имела человека, настолько большей [sic] рефлексии, что он мог позволить себе дружелюбно трепать самых злых церберов цензуры, официальных и добровольных, беря их шкуру на шею, морде, заливке в складку, ласково заговаривая их бдительность. Необыкновенная непринужденность и изящество, с которыми он это проделывал, удивительно сочеталась с его насмешливо ироничным вольтеринским [sic] обликом" [74]. По аналогии с оруэлловскими неологизмами, обозначим этот вид дискурса как явление научного "двоеречия" (doublepeak, double-talk), порождавшего многочисленные научные тексты наподобие ранних критических статей Зинченко [38,93], или, скажем, крайне ритуализированной и политизированной главы Выготского о фашизме в психоневрологии [17]. Следует при этом подчеркнуть совершенно спонтанный и в то же время сознательный и добровольный характер создания этого речевого стиля отечественной науки⁶⁴ и

⁶⁴ Спорным остается вопрос о корректности применения понятия "стиль" к описываемому здесь явлению. Языковеды зачастую рассматривают языковые явления в контексте речевого акта и текста как его результата. Речевой акт при этом понимается как объединение трех компонентов, таких как автор акта ("отправитель", адресант), текст и воспринимающий акт ("получатель", адресат) [80]. Соответственно, разделяется стилистика от автора ("генетическая стилистика") как исследование авторского выбора речевых средств, замысла ("идеи") и его исполнения (воплощения в текст), стилистика внутреннего построения самого текста и, наконец, "стилистика адресата, рассматривающая интерпретацию адресатом замысла отправителя речи, а также сам "образ адресата", или "фактор адресата", снова соприкасающийся с замыслом автора речи" (там же, с. 493). Автор этого очерка, к сожалению, не знаком с языковедческими работами, рассматривающими стилистику научного текста с учетом его адресации органам научной цензуры в контексте "языковой игры", в которую была вовлечена советская наука с 1920-30х годов. В нашем случае создается уникальная ситуация, когда автор научного дискурса (адресант) ориентируется одновременно на двух адресатов – собственно научную аудиторию, а также аппарат государственного контроля и институты цензуры. Более того, в случае советского "научного двоеречия" создается весьма непростая ситуация порождения и существования текста в треугольнике между автором и двумя адресатами сообщения (в литературе иногда встречается выражение "двойной"

его исключительно прогрессивную роль в условиях сталинской науки 1930-1950х годов. Слово "двоеречие" не является изобретением автора этой статьи. Так, к примеру, более чем за 20 лет до Оруэлла его использовал Юрий Тынянов в своем романе "Смерть Вазир-Мухтара": "Двоверие, двоеречие, двоемыслие и между ними — на тонком мостике — человек" [82]. "Двоеречие" упоминают и Иосиф Бродский в своем отзыве на роман А.И. Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ" [7], и Юрий Дружников в своей недавней книге "Дуэль с пушкинистами" [27]. Тем не менее, именно в этой работе по истории советской психологии понятие "двоеречие" впервые используется терминологически.

Особое внимание автора этого очерка привлекла рукописная правка стенограмм выступлений на сессии, в особенности, исключительно интересная правка доклада Гальперина, сделанная предположительно рукой А.Н. Леонтьева (см. комментарии к публикации докладов Гальперина и Зинченко в этом номере). Таким образом, публикуемые здесь стенограммы заседаний секций педагогики и психологии ХГПИ за 1938 год дают нам основания для выдвижения гипотезы о совместном участии нескольких анонимных авторов в написании текстов. Ситуацию коллективного анонимного написания текстов описывала в своих устных воспоминаниях первая аспирантка кафедры психологии ХГПИ и участница психологических исследований под руководством Запорожца в 1930-е гг. Дебора Марковна Арановская (со слов харьковского психолога Е.В. Заики). К сожалению, в ее печатных работах по истории психологии (см., например, [2,28]) это явление описано не было. Косвенное подтверждение этой гипотезы мы находим в мемуарах Д.Б. Эльконина: "Когда после Павловской сессии создалось положение, ставившее под сомнение существование психологии как самостоятельной науки со стороны наиболее агрессивно настроенных физиологов, Алексей Николаевич решил опубликовать статью о рефлекторной природе психики и привлек к работе А.В. Запорожца, П.Я. Гальперина, А.Р. Лурию и меня. На протяжении нескольких недель мы работали на квартире у А.В. Запорожца на ул. Грановского и коллективно, как Кукрыниксы, творили эту статью. Алексей Николаевич был центром этого коллектива, меня поражала острота его мысли и умение представить материал особенно убедительно. Никто не думал об авторстве, о собственном вкладе, работали во имя психологии..." [84; 249]. По всей видимости, Эльконин говорит об объединенной сессии Академии Наук и Академии Медицинских Наук СССР, прошедшей с 28 июня по 4 июля 1950 г., и

или "двойственный адресат"), причем далеко не очевидно, какой из них для автора важнее в той или иной ситуации.

можно предположить, что текст, описанный Элькониным, – это публикация 53 в списке работ А.Н. Леонтьева, *Некоторые теоретические вопросы развития психологии на павловском этапе*. М., 1952.—57 с. (Стеклограф АПН РСФСР). Так или иначе, согласно последней, наиболее полной библиографии работ Леонтьева [52], совместной публикации с Гальпериным, Запорожцем, Лурия и Элькониным у него никогда не было. Мы можем, далее, предположить, что практика коллективного анонимного авторства в круге харьковских психологов⁶⁵ близка технологии порождения научного текста в так называемом Круге Бахтина⁶⁶.

И, наконец, последнее. В свете многих публикаций о научных школах, так популярных в последние два-три десятилетия в отечественной истории психологии, представляется небезынтересным проследить истоки такого конструкта, как "Харьковская школа психологии". Это выражение было, скорей всего, введено в обращение 18 декабря 1938 года ленинградцем Даниилом Борисовичем Элькониным в его выступлении в прениях, посвященных обсуждению докладов харьковских психологов. Выступление Д.Б. Эльконина в прениях после докладов 18 декабря 1938 года начинается словами: "Товарищи, меня главным образом интересовали здесь работы, представленные кафедрой психологии. Мне думается, что я не ошибусь, если скажу, что те доклады, которые мы заслушали, начиная от докладов, заслушанных на пленуме, и кончая секционными докладами, эти доклады представляют какую-то единую систему. Я бы сказал, что здесь можно [говорить] о *складывающейся харьковской школе психологии, о харьковской психологической школе*" (стр. 42-2). Приоритет Эльконина в использовании выражения "Харьковская школа" применительно к исследователям круга А.Н. Леонтьева подкрепляется рядом выступлений в прениях, последовавших за выступлением Эльконина. Так, например, С.Л. Рубинштейн заметил: "Говорить о харьковской школе только на том основании, что в ряде исследований пестрого состава бралась одна и та же проблема, а именно отношение к действительности, мне кажется, не приходится" (стр. 48). Характерна также ремарка Божович: "мне кажется, что линия исследования, которая взята (*продолжая введенный термин* т. Эркони [sic; recte: Элькониным]) *Харьковской психологической школой или*

⁶⁵ В своих комментариях к этой статье Б.Г. Мещеряков предложил название "квази-псевдонимность" для обозначения такого явления коллективного анонимного авторства.

⁶⁶ Автор этого очерка выражает свою признательность российско-американскому психологу Дмитрию Давыдову (Dimma Davidoff) за указание сходства научной практики этих двух групп исследователей.

складывающейся психологической школой позволяет перевести психологию на линию построения действительно советской педагогической психологии" (стр. 51-2).

Эльконин, по всей видимости, не знал о перипетиях вокруг "Харьковской школы" Залужного и зловещих коннотациях этого словосочетания для всех, знакомых с историей рефлексологии, психологии и педологии в Харькове. Можно предположить, что именно по причине знакомства с историческим контекстом посвященных в историю вопроса и нежелательной ассоциацией, как с педологией, так и с разогнанной школой харьковских рефлексологов 1930-х гг., выражение "Харьковская школа" фактически не было известно до середины 1970-х годов, то есть до тех пор, пока ещё живы были те, кто мог бы сказать: "Товарищи! Постановление 36-го года никто не отменял!" [44]. Так или иначе, Первая научная сессия Харьковского государственного педагогического института 1938 года, впервые с очевидностью продемонстрировала, что на базе Харьковского педагогического института к этому времени образовался мощный исследовательский центр общесоюзного уровня, ведущий разнообразные исследования в области детской психологии и далеко за ее пределами. Всесоюзная известность не заставила себя долго ждать, и уже в первом же послевоенном издании фундаментальнейших «Основ общей психологии» С.Л. Рубинштейна, вышедших в 1946 году [71], появились ссылки на работы харьковчан – П.И. Зинченко, А.В. Запорожца и Г.Д. Лукова, опубликованных в Харькове в первые годы войны [38], [92].

Эпилог: История и современность

С тех пор прошло уже более полувека, и очень многое изменилось в жизни людей, очертаниях страны и роли науки в этой стране, точнее сказать: в этих странах. В отличие от многих других психологических теорий, многие из которых вполне закономерно, а иные, к большому сожалению, незаслуженно оказались забытыми, харьковская психология, основанная в далекие 1930е годы, далеко вышла за пределы родного города и стала по праву явлением международного значения, не утратившего своей значимости вплоть до наших дней. Статьи первого поколения харьковских психологов настолько часто переводятся на английский язык, что можно вне всякого сомнения утверждать, что харьковская психология остается на сегодняшний день самой известной национальной школой психологии во всем мире, а на постсоветском пространстве уступает лишь известности московских психологов: см. переводные публикации харьковских ученых на английском языке в журнале *Journal of Russian and East*

European Psychology (до распада СССР выходивший под названием Soviet Psychology) посвятившего харьковской психологии уже целый ряд специальных тематических номеров (см. такие номера журнала: *Soviet psychology*, 1979-1980, 18 (2); 1983-84, 22(2); *Journal of Russian and East European Psychology*, 1994, 32 (2); 2003, 41 (5); 2008, 46 (5); 2008, 46, (6); 2011, 49 (1); 2011, 49, (2)). Как правило, выходы таких спецномеров сопровождались обстоятельными историческими и обзорными тематическими статьями: см. [103], [123], [129], [128], [135], [106], [132].

Известна харьковская психология и не только в дальнем, но и в ближнем зарубежье. Так, к примеру, в 2009 году журнал «Культурно-историческая психология» опубликовал специальный номер, посвященный психологии памяти в традиции исследований П.И. Зинченко (см. статьи таких российских, украинских и зарубежных исследователей как Фаликман М.В., Гершкович В.А., Хирова М.А., Иванова Е.Ф., Зинченко А.В. и Зинченко В.П., Репкина Н.В. и Репкина Г.В., Уточкин И.С., Нуркова В.В., Мещеряков Б.Г. и, наконец, Крейк Ф. и Локхарт Р.С.)⁶⁷. В том же 2009 году российский Психологический журнал университета г. Дубна опубликовал отличную подборку статей Г.К. Середы с предисловием Е.Ф. Ивановой (см. все материалы в свободном доступе в Интернете: <http://www.psyanima.ru/journal/2009/2/index.php>). Таким образом, хорошо видно, что эти работы, составившие золотой фонд не только отечественной но и международной науки (см., например комментарии западных авторов [104], [119], [120]), продолжают оставаться в арсенале весьма используемых и обсуждаемых научных разработок и в наши дни.

Остается надеяться, что эта публикация не оставит равнодушными не только историков и науковедов, но и современных исследователей-психологов, и в конечном счете повлечет за собой как дальнейшие экспериментальные психологические исследования в лучших традициях науки, заложенной в Первой Столице в довоенные годы, так и научные обсуждения конкретных экспериментальных, межличностных, общественных и дискурсивных форм, техник и механизмов научной практики ученых-психоневрологов, в частности, исследователей круга Выготского и взаимоотношения научной теории с этими практиками как при жизни Выготского, так и после его смерти.

Список аббревиатур:

⁶⁷ См. материалы на сайте портала psyjournals.ru : <http://psyjournals.ru/kip/2009/n2/index.shtml>

ХГПИ – Харьковский государственный педагогический институт (с 1945 г. – им. Г.С.Скороды)

ХГПИИЯ – Харьковский государственный педагогический институт иностранных языков им. Н. К. Крупской (основан в 1930 году как Украинский институт лингвистического просвещения, переименован в ХГПИИЯ в 1934 году)

ХГУ – Харьковский государственный университет (с 1936 г. – им. А.М. Горького)

УНДИП – Украинский научно-исследовательский институт педагогики (от укр. Український науково-дослідний інститут педагогіки; украинская транслитерация сохранена здесь по традиции, заложенной ещё А.Н. Леонтьевым, см., например, [55])

ХНИИП – Харьковский научно-исследовательского институт педагогики

УПНА – Украинская психоневрологическая академия

УПНИ – Украинский психоневрологический институт

Благодарности

Автор выражает свою глубочайшую признательность ректору Харьковского Национального Педагогического Университета им. Г.С. Скороды Ивану Федоровичу Прокопенко за интерес к этому проекту и поддержку исследований в архивах Университета, а также сотрудникам архива Университета за помощь в работе и консультации. Исследование проведено при частичной поддержке фондов Social Sciences and Human Research Council of Canada (SSHRC) и Exchanges with Ukraine Endowment Fund, Canadian Institute of Ukrainian Studies (CIUS), University of Alberta, Canada, а также University of Toronto School of Graduate Studies Research Travel Grant.

Литература

1. XVII съезд ВКП(б) 26 января - 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. Электронная версия: http://www.hrono.info/vkpb_17/vkpb_17.html.

2. Арановская-Дубовис Д.М., Заика Е.В. Идеи А. В. Запорожца о развитии личности дошкольника // Вопросы психологии. 1995. Т. № 5. С. 87-99.

3. Басилова Т.А. О Соколяном и его методах обучения глухих и слепоглухих детей, так интересовавших Выготского // Культурно-историческая психология. 2006. № 3. С. 8-16.

4. Бассин Ф.В. Нарушение словесных значений при шизофрении. Рукопись. Харьков, 1935.

5. Биренбаум Г.В. К вопросу об образовании переносных и условных значений слова при патологических изменениях мышления // Новое в учении об апраксии,

агнозии и афазии / Ред. Кроль М., Проппер Н. Москва: Государственное медицинское издательство, 1934. С. 147-164.

6. Биренбаум Г.В., Зейгарник Б.В. К динамическому анализу расстройств мышления // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. 1935. Т. 4. № 6. С. 75–98.

7. Бродский И.А. География зла (рецензия Бродского на английский перевод романа А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»). 1977. Электронная версия: http://www.krotov.info/library/02_b/rod/sky.htm.

8. Вельвовский Г.З. К организации психоневрологической академии в УССР // Советская психоневрология. 1931. Т. 7. № 4-5. С. 26-31.

9. Вельвовский Г.З. Психоневрологический институт Южных железных дорог // Бюллетень психоневрологического института Южных железных дорог. 1933. № 1. С. 6-20.

10. Волошин Г.И. Расстройства речи при шизофрении. Рукопись. Харьков, 1939.

11. Волошин П.В. История Украинского научно-исследовательского института клинической и экспериментальной неврологии и психиатрии. 1994. Электронная версия: <http://www.psychiatry.org.ua/books/history/paper01.htm>.

12. Волошина Н.П., Марута Н.А. Институту неврологии, психиатрии и наркологии АМН Украины — 85 лет! // Международный неврологический журнал. 2007. № 13. Электронная версия: <http://neurology.mif-ua.com/archive/issue-109/article-112/print.html>.

13. Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М. Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл, 1996.

14. Выготский Л.С. Выступления Л.С. Выготского по докл. А.Р. Лурия 5 и 9 декабря 1933 г. // Психология грамматики / Ред. Леонтьев А.А., Рябова Т.В. М.: Изд-во МГУ, 1933/1968. С. 196.

15. Выготский Л.С. Проблема сознания // Психология грамматики / Ред. Леонтьев А.А., Рябова Т.В. М.: Изд-во МГУ, 1932/1968. С. 178-196.

16. Выготский Л.С. Психология и учение о локализации // Первый Всеукраинский съезд невропатологов и психиатров. Харьков, 1934, 18-24 июня. Тезисы докладов / Харьков: Книжная фабрика им. Г.И. Петровского, 1934. С. 34-41.

17. Выготский Л.С. Фашизм в психоневрологии // Выготский, Л.С., Гиляровский, В.А., Гуревич, М.О., Кроль, М.Б., Шмарьян, А.С. Фашизм в психоневрологии / М.; Л.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1934. С. 18-28.

18. Выготский Л.С., Пузырей А.А. Письма к ученикам и соратникам // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2004. № 3. С. 3-40.

19. Гальперин П.Я. Две концепции высшей нервной деятельности и их отношение к психологии // Советская психоневрология. 1935. Т. 11. № 2. С. 93-104.

20. Гальперин П.Я. Заметки о принципе целостности. По поводу статьи проф. К. Гольдштейна "Принцип целостности в медицине" // Советская психоневрология. 1933. Т. 9. № 3. С. 19-34.

21. Гальперин П.Я. По поводу "Социологии неврозов" К. Birnbaum'a // Советская психоневрология. 1934. Т. 10. № 1. С. 140-144.

22. Гальперин П.Я. Психологический сектор // Всеукраинская Психоневрологическая Академия. Сборник Материалов. Научная деятельность / Ред. Гольденберг М.А. Т. 1. Харьков: УПНА, 1934. С. 33-36.
23. Гальперин П.Я. Учение о памяти (1938) // Культурно-историческая психология. 1938/2009. Т. № 2. С. 109-113.
24. Гальперин П.Я., Голубова Р.А. Механизм парафазии комплексного типа // Советская психоневрология. 1933. Т. 9. № 6. С. 38-48.
25. Гиневская Т.О. Воспоминания об А.В. Запорожце // А.В. Запорожец - человек и мыслитель. Воспоминания соратников, учеников и друзей. Материалы международной юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.В. Запорожца (12.09.1905-07.10.1981) / Ред. Парамонова Л.А. М.: КАРАПУЗ-ДИДАКТИКА, 2005. С. 6-46.
26. Госстатиздат. Культурное строительство СССР. М.: Госстатиздат, 1956.
27. Дружников Ю.И. Фига в кармане как условие выживания (С. 241-264) // Дуэль с пушкинистами. – Псков. 2004. Электронная версия: <http://www.druzhnikov.com/text/rass/duel/8.html>.
28. Дубовис Д.М., Хоменко К.Е. Вопросы психологии художественного восприятия в трудах А. В. Запорожца (К 80-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 1985. Т. № 5. С. 117-122.
29. Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки: Основные направления государственного руководства наукой М.: Наука, 1971.
30. Завершнева Е. «Путь к свободе» (К публикации материалов из семейного архива Л.С. Выготского) // Новое литературное обозрение. 2007. № 85. Электронная версия: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/> & <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/503/510/>.
31. Залужный А.С. Учение о коллективе. М., Л., 1930.
32. Запорожец А.В. Мастер: Воспоминания о Лесе Курбасе // Запорожец, А.В. Избранные психологические произведения / Ред. Давыдов В.В., Зинченко В.П. Т. 1. М.: Педагогика, 1986 С. 24-35.
33. Запорожец А.В. Практический интеллект у шизофреников. Рукопись. Харьков, 1937.
34. Запорожец А.В., Леонтьев А.А. Комментарии // Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения / Ред. Давыдов В.В., Зинченко В.П., Леонтьев А.А., Петровский А.В. Т. 1. М.: Педагогика, 1983 С. 386-390.
35. Затонская Е.С. Всеукраинская психоневрологическая академия // Всеукраинская Психоневрологическая Академия. Сборник Материалов. Научная деятельность / Ред. Гольденберг М.А. Т. 1. Харьков: УПНА, 1934. С. 5-12.
36. Зейгарник Б.В. К проблеме понимания переносного смысла слов или предложения при патологических изменениях мышления // Новое в учении об апраксии, агнозии и афазии / Ред. Кроль М., Проппер Н. Москва: Государственное медицинское издательство, 1934. С. 132-146.
37. Зейгарник Б.В., Биренбаум Г.В. К проблеме смыслового восприятия // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. 1935. Т. 4. № 6. С. 57-74.

38. Зинченко П.И. Проблема произвольного запоминания // Научные записки Харьковского педагогического института иностранных языков. 1939. Т. 1. С. 145-187.
39. Зинченко П.И. Проблема произвольного запоминания у ребенка (1938) // Культурно-историческая психология. 1938/2009. Т. № 2. С. 114-117.
40. Кагановская Э.С., Зейгарник Б.В. К психопатологии негативизма при эпидемическом энцефалите // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. 1935. Т. 4. № 8. С. 65-80.
41. Карстен А. Психическое насыщение // Левин К. Динамическая психология: Избранные труды / Ред. Леонтьев Д.А., Патяева Е.Ю. М.: Смысл, 1928/2001. С. 496-533.
42. Катаева-Венгер А.А. Куда же мы мчались? Повесть о детстве и юности. 1994. Электронная версия: <http://1alex.5u.com/kata/kata-5.html>.
43. Козис Е.Н. Сравнительный анализ случаев афазии в процессе их восстановления // Советская психоневрология. 1934. Т. 10. № 4. С. 60-64.
44. Кравцова Е.Е. С Выготским надо спорить // "Новая газета", № 90, 26-28.11.07 (приложение "Кентавр", № 7) 2007. Электронная версия: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/news/2007/1126-28a.htm>.
45. Курек Н.С. История ликвидации педологии и психотехники в СССР. СПб.: Алетейя, 2004.
46. Лебединский М.С. Динамика угасаний действий шизофреников. Рукопись. Харьков, 1938.
47. Лебединский М.С. Материалы к психологической характеристике алексий у афазиков // Советская психоневрология. 1934. Т. 10. № 4. С. 53-59.
48. Лебединский М.С. Психологический анализ случая афазии // Советская психоневрология. 1933. Т. 9. № 6. С. 49-58.
49. Лебединский М.С. Психологический анализ случая сенсорной афазии // Невропатология, психиатрия, психогигиена. 1936. Т. 5. № 4. С. 580-586.
50. Леонтьев А.А. Творческий путь Алексея Николаевича Леонтьева // А.Н.Леонтьев и современная психология: Сборник статей памяти А.Н.Леонтьева. / Ред. Запорожец А.В., Зинченко В.П., Овчинникова О.В., Тихомиров О.К. М.: МГУ, 1983. С. 6-39.
51. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев: деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005.
52. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Список печатных работ А. Н. Леонтьева // Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность / Ред. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Москва: Смысл, 2005. С. 386-431.
53. Леонтьев А.Н. Автобиография // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Ред. Войсунский А.Е., Ждан А.Н., Тихомиров О.К. Москва: Смысл, 1999. С. 365-369.
54. Леонтьев А.Н. Беседа с Выготским // Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия / Ред. А.А.Леонтьева, Д.А.Леонтьева. М.: Изд-во МГУ, 1933/1994. С. 22-25.

55. Леонтьев А.Н. Материалы о сознании // Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия / Ред. А.А.Леонтьева, Д.А.Леонтьева. М.: Изд-во МГУ, 1930-е/1994. С. 26-47.
56. Леонтьев А.Н. Очерк развития психики. М.: Военный педагогический институт Советской Армии, 1947.
57. Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в истории советской психологии // Вопросы психологии. 1976/1986. Т. № 4. С.
58. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: МГУ, 1981.
59. Леонтьев А.Н. Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психологических функций. М.; Л.: Учпедгиз, 1931.
60. Леонтьев А.Н., Леонтьев А.А. Устная автобиография А.Н. Леонтьева // Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность / Ред. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Москва: Смысл, 1976/2005. С. 367-385.
61. Леонтьев Д.А. "Ему было о чем молчать, и он наверно об очень многом молчал в своей жизни" // Журнал практического психолога. 2003. № 1-2. Электронная версия: http://anleontiev.smysl.ru/vospomin/i-d_leon.htm.
62. Лурия А.Р. Изучение мозговых поражений и восстановления нарушенных функций // Психологическая наука в СССР / Ред. Ананьев Б.Г., Костюк Г.С., Леонтьев А.Н., Лурия А.Р., Менчинская Н.А., Рубинштейн С.Л., Смирнов А.А., Теплов Б.М., Шемакин Ф.Н. Т. 2. М.: АПН РСФСР, 1960. С. 428-458.
63. Лурия А.Р. К вопросу о психологическом исследовании распада речевых функций. Доклад на конференции УПНА, Заседание 27 ноября 1932 г. // Советская психоневрология. 1933. Т. 9. № 6. С. 161-162.
64. Лурия А.Р. О Льве Семеновиче Выготском. Речь, произнесенная на траурном заседании в память Л.С. Выготского 6 января 1935 года // Лурия, А.Р. Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии / Ред. Глоzman Ж.М., Леонтьева Д.А., Радковской Е.Г. М.: Смысл, 1935/2003. С. 275-278.
65. Лурия А.Р. Пути советской психологии за 15 лет // Советская психоневрология. 1933. Т. 9. № 1. С. 25-35.
66. Лурия Е.А. Мой отец А. Р. Лурия. Москва: Гнозис, 1994.
67. Мемориал. Жертвы политического террора в СССР. Розенблюм Анатолий Ильич. Электронная версия: <http://lists.memo.ru/d28/f218.htm#n55>.
68. Мещеряков Б.Г. Мнемические эффекты П. И. Зинченко // Культурно-историческая психология. 2009. № 2. С. 5-13.
69. Рохлин Л.Л. Список научных работ, законченных в Украинской психоневрологической академии в 1935 г. // Украинская психоневрологическая академия. Научно-информационные материалы, 3 / Отв. ред. проф. Л.Л. Рохлин. Харьков: ЦПНИ, 1936.
70. Рохлин Л.Л., Таланкин А., Рубинштейн П.М., Протопопов В.П., Гальперин П.Я., Бон, Катков Е.С., Гольденберг М.А., Залужный А.С., Соколянский А.С. Дискуссия о положении на психоневрологическом фронте // Советская психоневрология. 1931. Т. 7. № 2-3. С. 7-52.
71. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1946.

72. Рубинштейн С.Я., Зейгарник Б.В. Экспериментально-психологические лаборатории в психиатрических клиниках Советского Союза // Психологическая наука в СССР / Ред. Ананьев Б.Г., Костюк Г.С., Леонтьев А.Н., Лурия А.Р., Менчинская Н.А., Рубинштейн С.Л., Смирнов А.А., Теплов Б.М., Шемакин Ф.Н. Т. 2. М.: АПН РСФСР, 1960. С. 459-481.

73. Савенко Ю.С. Леон Лазаревич Рохлин (1903–1984) // Независимый психиатрический журнал. 2003. № 2. Электронная версия: <http://www.npar.ru/journal/2003/2/rokhlin.htm>

74. Савенко Ю.С. Филипп Вениаминович Бассин – Вольтер отечественной психоневрологии (1905-1992) // Независимый психиатрический журнал. 2006. № 3. Электронная версия: <http://www.npar.ru/journal/2006/3/bassin.htm>.

75. Самухин Н.В. К вопросу структуры органической деменции // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. 1935. Т. 4. № 9-10. С. 255.

76. Самухин Н.В., Биренбаум Г.В., Выготский Л.С. К вопросу о деменции при болезни Пика. Клиническое и экспериментально-психологическое исследование // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. 1934. Т. 3. № 6. С. 97-136.

77. Соколова Е.Е. Линии разработки идей Л.С. Выготского в Харьковской психологической школе // Культурно-историческая психология. 2007. № 1. С. 3-12.

78. Соколова Е.Е. "Неклассическая" психология А.Н. Леонтьева и его школы // Психологический журнал. 2001. № 6. С. 14-24.

79. Соколова Е.Е. Харьковская школа // Большой психологический словарь / Ред. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. М.: Прайм-Еврознак, 2003. С. 588-589.

80. Степанов Ю.С. Стилистика // Лингвистический энциклопедический словарь / Ред. Ярцева В.Н. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 492-494.

81. Стеценко А.П. Культурно-историческая теория деятельности в контексте современной психологии: Неклассический подход к "неклассической" теории // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Ред. Леонтьев А.А. М.: Смысл, 2006. С.

82. Тынянов Ю.Н. Смерть Вазир-Мухтара. 1928/1985 Электронная версия: http://az.lib.ru/t/tytnjanow_j_n/text_0020.shtml.

83. Шмелькин Д.Г. Всеукраинская психоневрологическая академия // Советская психоневрология. 1934. Т. 10. № 2. С. 8-16.

84. Эльконин Д.Б. Воспоминания и соратнике и друге // А.Н. Леонтьев и современная психология. Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева / Ред. Запорожец А.В., Зинченко В.П., Овчинникова О.В., Тихомиров О.К. М.: МГУ 1983. С. 244-250.

85. Ясницкий А. Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи ученых, международные посредники и «импорт» психологии // Вопросы психологии. 2012. № 1. С. 100-112.

86. Ясницкий А. К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффа, Левин и др. // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С.

87. Ясницкий А. Очерк истории Харьковской школы психологии: первая научная сессия Харьковского государственного педагогического института и появление "Харьковской школы психологии" (1938) // Культурно-историческая психология. 2009. № 2. С. 95-106.
88. Ясницкий А. Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931 — 1936 гг. // Культурно-историческая психология. 2008. № 3. С. 92-102.
89. Архів Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. Приказ по Харьковскому педагогическому институту №80 от 03.10.1933, §1: о создании кафедры психологии.
90. Аснін В.І. Про умови надійності психологічного експерименту // Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту. 1941. Т. 6. С. 125-138.
91. Даниленко В.М., Кузьменко М. Науково-педагогічна інтелігенція в роки голоду // Український історичний журнал. 2003. № 5. С. 145-155.
92. Запорожець О.В., Луков Г.Д. Про розвиток міркування у дитини молодшого віку // Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту. Т. VI / Харків: ХДПІ, 1941. С.
93. Зінченко П. "Харківська педагогічна школа" і психологія // Комуністична освіта. Науково-педагогічний орган Наркомпросу УСРР. 1934. Т. № 10. С. 93-101.
94. Іванова О.Ф. Історія психології XIX-XX століття (на матеріалі розвитку психології на Слобожанщині). Навчальний посібник. Харків: ХДУ, 1995.
95. Коломієць Г. Всеукраїнській науково-дослідчий інститут педагогіки // Комуністична освіта. 1934. № 8-9. С. 162-163.
96. Кузьменко М. Архівні матеріали ЦДАГО України та ЦДАВО України з проблеми діяльності інституту червоної професури у 20-30-ті роки XX ст. // Схід. 2005. № 5. Електронна версія: http://revolution.allbest.ru/history/00014755_0.html.
97. Луков Г.Д. Про усвідомлювання дитиною мови в процесі гри // Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту. 1939. Т. 1. С. 65-102.
98. Марочко В., Хілліг Г. Репресовані педагоги України: жертви політичного терору (1929-1941). Київ: Науковий світ, 2003.
99. Хоменко О.О. Розуміння художнього образу дітьми молодшого віку // Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту. 1941. Т. 6. С. 151-156.
100. Ярмаченко М.Д. Діяльність Інституту в умовах партійно-ідеологічного тиску // Інститут педагогіки: погляд через роки (До 75-річчя від дня заснування Українського науково-дослідного Інституту педагогіки) / Ред. Мадзігон В.М., Ярмаченко М.Д. Київ: Педагогічна думка 2002. С. 64-70.
101. Ярмаченко М.Д. Становлення Українського науково-дослідного інституту педагогіки // Інститут педагогіки: погляд через роки (До 75-річчя від дня заснування Українського науково-дослідного Інституту педагогіки) / Ред. Мадзігон В.М., Ярмаченко М.Д. Київ: Педагогічна думка 2002. С. 53-61.
102. Clarke A., Fujimura J. (Ред.). (1992). The right tools for the job: At work in twentieth century life sciences. Princeton: Princeton University.
103. Cole M. Introduction: The Kharkov school of developmental psychology // Soviet psychology. 1980. Т. 18. № 2. С. 3-8.

104. Craik F., Lockhart R. Levels of Processing and Zinchenko's Approach to Memory Research // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2008. T. 46. № 6. C. 52-60.
105. Haenen J., Galperin P.I. An interview with P. Ya. Gal'perin // *Soviet psychology*. 1989. T. 27. № 3. C. 7-23.
106. Ivanova E.F. G.K. Sereda's Theory of Memory as a Development of the Ideas of the Zinchenko School // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2011. T. 49. № 1. C. 54-82.
107. Karsten A. Psychische Saettigung // *Psychologische Forschung*. 1928. T. 10. № 1. C. 142 - 254.
108. King D.B., Wertheimer M. Max Wertheimer and Gestalt theory. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2005.
109. Knorr-Cetina K. The manufacture of knowledge: An essay on the constructivist and contextual nature of science. Oxford: Pergamon Press, 1981.
110. Kozulin A. Vygotsky's psychology : a biography of ideas. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990.
111. Krementsov N. Stalinist science. Princeton: Princeton University Press, 1997.
112. Latour B., Woolgar S. Laboratory life: The social construction of scientific facts. Beverly Hills, CA: Sage, 1979.
113. Lebedinsky M. Ueber einige Besonderheiten des Denkens bei Aphasikern // *Wiener klinische Wochenschrift*. 1936. № 5-6. C.
114. Luria A.R. Psychological expedition to Central Asia // *Science*. 1931. T. 74. C. 383-384.
115. Luria A.R. Psychological expedition to Central Asia // *Journal of Genetic Psychology*. 1932. T. 40. C. 241-242.
116. Luria A.R. Psychologische Expedition nach Mittelasien // *Zeitschrift for angewandte Psychologie*. 1931. № 40. C. 551-552.
117. Luria A.R. The second psychological expedition to Central Asia // *Science*. 1933. T. 78. C. 191-192.
118. Luria A.R. The second psychological expedition to Central Asia // *Journal of Genetic Psychology*. 1934. T. 44. C. 255-259.
119. Mace J.H. The Involuntary/Voluntary Distinction: Implications for Learning and Memory and the Contributions of P. I. Zinchenko // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2008. T. 46. № 6. C. 46-51.
120. McCafferty S.G. Zinchenko's Research on Memory and Pedagogical Applications: Commentary on Meshcheryakov // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2008. T. 46. № 6. C. 41-45.
121. Meshcheryakov B.G. The Mnemic Effects of P.I. Zinchenko // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2008. T. 46. № 6. C. 15-40.
122. Orwell G. Nineteen eighty-four. London, UK: Secker & Warburg, 1949.
123. Sereda G.K. The Kharkov school of psychology // *Journal of Russian and East European Psychology*. 1994. T. 32. № 2. C. 7-8.
124. Slamecka N.J., Graf P. The generation effect: Delineation of a phenomenon // *Journal of Experimental Psychology: Human Learning and Memory*. 1978. T. 4. №. C.

125. Valsiner J. *Developmental psychology in the Soviet Union*. Brighton, Sussex: Harvester Press, 1988.
126. Van der Veer R., Valsiner J. *Understanding Vygotsky: A quest for synthesis*. Oxford: Blackwell, 1991.
127. Van der Veer R., Valsiner J. (Ред.). (1994). *The Vygotsky reader*. Oxford: Blackwell.
128. Yasnitsky A. Dialogue between Soviet and international psychology of memory // *Journal of the Russian and East European Psychology*. 2008. T. 46. № 6. С. 3-5.
129. Yasnitsky A. Piotr Zinchenko's Psychology: A Brief History of Ideas // *Journal of the Russian and East European Psychology*. 2008. T. 46. № 5. С. 3-7.
130. Yasnitsky A. Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2011. T. 45. № 4. С. 422-457.
131. Yasnitsky A. *Vygotsky Circle during the Decade of 1931-1941: Toward an Integrative Science of Mind, Brain, and Education*. Ph.D. dissertation, University of Toronto, 2009.
132. Yasnitsky A., Falikman M. Contemporary Research on Learning, Remembering, and Forgetting: The Scientific Legacy of P.I. Zinchenko Today // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2011. T. 49. № 3. С. 3-10.
133. Yasnitsky A., Ferrari M. From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2008. T. 44. № 2. С. 119-145.
134. Yasnitsky A., Ferrari M. Rethinking the early history of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school // *History of Psychology*. 2008. T. 11. № 2. С. 101-121.
135. Yasnitsky A., Ivanova E.F. Remembering for the future: Grigorii Sereda in the history of Kharkov school of psychology // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2011. T. 49. № 1. С.